

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АННА БАТЛУК

СТУДЕНТКА
В ПОДАРОК

Академия власти

Волшебная академия (АСТ)

Анна Батлук

Студентка в подарок

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Батлук А. В.

Студентка в подарок / А. В. Батлук — «Издательство АСТ»,
2020 — (Волшебная академия (АСТ))

ISBN 978-5-17-146654-1

Жизнь прекрасна! Впереди маячат чудесные перспективы, полные папиных денег, конкурсов красоты, поклонников и безграничных возможностей. У кого-то, но не у меня. Моя жизнь изменилась в девятнадцатый день рождения: боги наделили меня магией, а отец лишил денежного довольствия, машины и отправил учиться в Академию власти. Так себе подарок, как считаете? Ужасное место: вместо дизайнерских платьев приходится носить старую мантию, полигон для бега теперь мой лучший друг, а для того, чтобы заработать деньги нужно ввязаться в сомнительные соревнования. Итак, составляем список задач. Пункт первый и единственный: быть отчисленной из Академии - я должна стать моделью, а не офисным занудой. И неважно, что это невозможно - главное желание! Задание со звездочкой: дожить до летних каникул. А что-то мне подсказывает, что это будет проблематично...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146654-1

© Батлук А. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Батлук
Академия власти. Студентка в подарок

© А. Батлук, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

На секунду меня ослепил свет прожектора. Я поморгала, чтобы вновь обрести зрение, и выдала свою самую ослепительную улыбку.

– Лялочка, дорогая, повернись... вот так, еще... еще. Дорогая, в этом сезоне ты заткнешь за пояс эту противную Лиззи! Красавица! Богиня!

Моментограф безостановочно говорил мне комплименты, а я поворачивалась, демонстрируя великолепное нижнее белье от Ванессы Смузи. В этом сезоне я участвовала в конкурсе, который устроил знаменитый мужской журнал «Паннекс». Победительница будет красоваться на его обложке целый сезон, и уступать эту честь своей главной сопернице, Лизавете Контас, я не намерена. Моментосессия продолжалась уже три часа, и помощи богиня, чтобы из всего многообразия снимков для первого этапа голосования я выбрала хотя бы парочку.

– Лялочка, – уже пряча оборудование в свою безразмерную сумку, обратился ко мне моментограф. – Ты слышала, что Лиззи решила устроить благотворительный ужин в честь своего участия в конкурсе?

Я выглянула из-за ширмы, за которой одевалась. Альф хоть и был немного другой сексуальной ориентации, чем девушкам хотелось бы, но переодеваться при нем все же было неудобно.

– Я не удивлена, что она пытается победить такими грязными способами. Ну что ж, пусть делает все, что считает нужным... А на какой день назначен ужин?

Альф замялся:

– Ровно через месяц, в последний день лета.

Я чуть не задохнулась от злости и выскочила из-за ширмы, застегивая пуговицы на блузке, от нервов пальцы путались в петлях и срывались. Альф крикнул и сделал щелчок – пуговицы мгновенно встали на свое место.

– Ты серьезно?! Альф, но это же мой день рождения! Кого она туда пригласила?

– Даже не знаю, Ляля. Я не общаюсь с ней...

– Альф, – я схватила со стола маникюрные ножницы и красноречиво потрясла ими в воздухе. – Не заставляй меня переходить к пыткам.

– Лялочка, – парень закатил глаза и откинул со лба челочку. – Я легко смогу себя защитить.

– Да ладно, – я прищурилась и положила ножницы обратно на стол. – В таком случае мне придется рассказать всем вокруг о...

– О моей нетрадиционной ориентации? – фыркнул Альф.

– О том, что ты иммигрант, – злое слово закончила я. – Думаешь, я не знаю, зачем ты обращался к моему отцу? А при должном желании даже смогу найти подтверждающие твой переезд документы. Как думаешь, как скоро от тебя отвернутся все клиенты из высшего общества? Аристократы и министры людей со стороны очень не любят.

Альф побледнел, и скрыть это не смог даже большой слой пудры.

– Не понимаю, о чем ты говоришь!

– Отлично понимаешь, – отрезала я. – Ну, говори! Кто приглашен?

– Ты не посмеешь...

Я удивленно приподняла бровь:

– Ты серьезно сейчас? Интересно, что же меня остановит?

– Наши хорошие отношения? – предположил Альф, но я презрительно фыркнула.

– Альф, за твое хорошее отношение я очень хорошо плачу. И отлично понимаю, что, если Лиззи заплатит больше, ты тут же переметнешься к ней. Говори давай, иначе мне придется наведаться в кабинет к отцу. Свои бумаги от любимой дочери он не прячет.

– И очень зря, – огрызнулся моментограф, секунду подумал и глубоко вздохнул, набираясь сил и понимая, что последует за его ответом. – Лиззи пригласила всех министерских детей, всех гимназистов из вашей группы, журналистов, ну и еще по мелочи. Список гостей я не видел, но...

– И что, все согласились?

– Согласились все... Вырученные за ужин деньги Лиззи собирается передать малоимущим женщинам на покупку нижнего белья.

Я в бешенстве схватила со стола статуэтку и швырнула ее в стену. Проследила, как разлетаются осколки, и только тогда закричала от злости:

– Дрянь! Ты посмотри, какая дрянь! Ведь она же знала, не могла не знать, что испортит мне праздник!

– По-моему, это и было ее целью, – заметил Альф, боком двигаясь к выходу.

Я схватилась за виски, пытаюсь успокоиться, но ничего не выходило. Паника захлестывала меня волнами. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть.

– Хорошо, спасибо за информацию, Альф. Ты можешь идти.

– Надеюсь, слухи о том, что я не совсем житель империи не выйдет дальше этого дома, Ляля? Ты же понимаешь, как это важно для меня, для моей карьеры...

– Можешь быть спокоен, Альф, – отмахнулась я. Злость я выплеснула, теперь нужно было придумать, как действовать дальше. – Если честно, я никому и не собиралась об этом говорить.

С Лиззи мы были знакомы с того момента, как наши отцы стали помощниками министров, а затем министрами, то есть всю жизнь. Матери были очень заняты приемами и вхождением в новый статус, советовались друг с другом даже при выборе скатертей, а потому и няню наняли одну на двоих – нашли единственную идеальную. Так что уже с детства нам с Лиззи пришлось соперничать за внимание няни. Естественно, что мы пошли в одну и ту же гимназию, и соперничество продолжилось, только на более высоком уровне. Мы не соревновались в оценках: учились обе из рук вон плохо. Каждая из нас старалась быть в центре внимания, каждая старалась быть эффектнее, красивее, значимее в глазах окружающих. В ход шло все: мы портили друг другу одежду, распускали сплетни, рвали тетради и учебники. Даже друзья наши смешались, как только появлялся кто-то в окружении одной, вторая тут же находила способ с ним познакомиться и сблизиться. Единственное, стихиями мы владели разными: мне подчинялся воздух, а Лиззи – земля. Но вот уровень владения... Тут уж мы обе были одинаково слабы.

Взрослея, становились умнее, и теперь уже пакости были не такими явными, но приятнее от этого не становились. Даже если взять как пример участие в конкурсе «Паннекса», то первой заявку подала я, а Лиззавете стало жизненно необходимо победить. И этот благотворительный ужин никому не нужен: в конкурсе имеет значение хорошая фигура и отличные моментографии, но упустить шанс испортить мне день рождения Лиззи не могла.

Хорошо, чертовка, придумала. И самое главное, мне нечего ей противопоставить. Может быть, нужно объявить, что все подарки я передам в детский дом? Но гости уже пообещали, что придут к Лиззи, так что нет смысла глупо трепыхаться.

Я прошла по комнате, размышляя и тихо ругаясь. В задумчивости тронула витой столбик времен империи Тиани, который отхватила на одной из распродаж антиквариата. В моей комнате в доме и этой студии для моментосессий, которую я снимала с разрешения отца, было очень много старых и по-настоящему интересных вещей. Вот в чем не могла превзойти меня Лиззи, так это в моей любви к истории. Контас искренне считала, что прошлый век – это прошлый модный сезон, а война имперских наемников была между продавцами и парикмахерами.

Как же бороться с Лиззи? Я еще побродила по студии и решила, что пора ехать домой. Кто знает, может быть, моментографии Альфа будут настолько удачными, что мне даже сразаться с Контас не придется и жюри присудит мне победу в первом этапе конкурса.

На улице ждал омнибилъ премиум-класса красного цвета с золотыми полосами по бокам. Для меня это была любимая игрушечка, в которой я души не чаяла. Спокойствие наступало сразу же, как только я садилась на великолепное сиденье из белой кожи. Вот и сейчас я села, захлопнула дверь и глубоко вздохнула, ощущая себя почти счастливой. Марк, мой личный водитель, посмотрел на меня в зеркало заднего вида и улыбнулся:

– Все нормально?

– Почти, – буркнула я. – Лиззи опять портит мне жизнь.

– За это ты портишь ее всем подряд? – хмыкнул Марк. – Альф выскочил из дома как ошпаренный.

Я молча закрыла глаза. Марк ненамного меня старше и иногда позволяет себе лишнего, пытаюсь флиртовать, да и вообще вести себя как с подругой. Я отлично понимаю мотивы его поведения и иногда отвечаю тем же, а иногда просто игнорирую. Как сейчас.

– Домой? – тщетно подождав ответа, спросил Марк. Я кивнула, не открывая глаз.

* * *

– Мсье Тиррос дома.

Наверное, я задремала в дороге. От голоса Марка подскочила и завертела головой:

– Отец дома? Не может быть!

Действительно, на стоянке стоял черный вытянутый омнибилъ, на котором обычно ездил отец. В отличие от меня, водителей он считал бесполезной тратой денег и водил аппарат самостоятельно.

Из омнибиля я выскочила, когда мягкие каучуковые шины еще продолжали свое движение, отец слишком редко бывает дома, чтобы я пропустила хотя бы секунду общения с ним. Марк что-то крикнул мне вслед, но я бежала по дорожке, размахивая сумочкой, и влетела прямо в объятия отца, который стоял на веранде.

– Осторожнее, Лилиана, – засмеялся он и отодвинул меня от себя, желая внимательно рассмотреть. Только отец называл меня полным именем. – Я тоже рад тебя видеть. Где ты была?

С отцом мы разговаривали ежедневно, связываясь по мини-буку. Но при личной встрече он мог прочитать по моему лицу гораздо больше, чем я хотела бы сказать. Потому пришлось постараться выглядеть как можно беззаботнее.

– Я была в студии, папочка. Хочу участвовать в небольшом конкурсе моментографий.

– Надеюсь, ничего предосудительного?

Я сжалась, подумав, что моментосессия в нижнем белье как раз может отцу и не понравиться, но если признаться сейчас, то это значит проиграть Лиззи, не начав саму игру.

– Нет, папочка, все очень пристойно.

Отец задумчиво взглянул на меня, явно сомневаясь, но тут вмешалась мама, которая вышла на веранду встречать свою семью, и мсье Тиррос отбросил все мысли в сторону. Мама, кстати, тоже была нечастым гостем в родном доме, а сегодня, по-видимому, ей позвонил отец и сообщил, что вернется пораньше. Что ж, нас ждет семейный ужин.

– Дорогие мои, пойдемте за стол.

В дом мы вошли с отцом в обнимку, я не желала отпускать его и на секунду, радуясь такому редкому моменту общения. Мы сели за стол: отец – во главе, мама – по правую руку, а я – напротив. В очередной раз родителями я залюбовалась: настолько красивой парой они были. Он – высокий, плечистый, с благородной сединой в густых волосах и тяжелым взглядом серьезного, состоявшегося человека, и она – воздушная блондинка с идеальной фигурой и синими, как море, глазами.

Мама и папа познакомились еще в академии. Отец мечтал стать боевым магом, а мама – знатоком. Так называют магов, сведущих в правоведении, имперской экономике и истории.

И, как рассказывала мама, они друг друга терпеть не могли. Боевики вели себя просто безобразно, шокируя Академию всевозможными эпатажными выходками, и обстоятельный знаток, староста курса, не могла к этому нормально относиться. А боевик-отец считал маму синим чулком, занудой и ботаником. Не знаю, как при таком отношении друг к другу мои родители осознали, что влюблены, но на третьем курсе они поженились. А когда были на четвертом, появилась я.

После окончания академии выяснилось, что специализации оба моих родителя выбрали неверно. Отец поступил на службу в министерство и достаточно быстро сделал карьеру. На настоящий момент он является министром внутренних дел империи Танзани, а такого поста не так легко добиться. Мама же, после того как у нашей семьи начался стремительный взлет, профессию законника забросила, основала свой благотворительный фонд и все свое время тратила на всевозможные приемы, организацию мероприятий, выставок и движений. Можно было бы решить, что делала это мама для того, чтобы повысить политический рейтинг отца, но нет. Фонд для нее как любимая игрушка. Для многих женщин таковой является ребенок, но только не в нашей семье.

В связи с тем что приехал отец, ужинали мы почти в торжественной обстановке. Наша экономка Марисса расстаралась, и стол просто ломился от любимых министром блюд. Мама с папой обсуждали последний прием, который организовал фонд, а я улыбалась, понимая, что давно не чувствовала себя так спокойно. Будто маленький ребенок, которого обнимают сразу оба родителя.

– Дорогие мои, – отец наконец положил вилку и сложил руки под подбородком. – Лилиана, – я кивнула. – И Иллиа, – мама улыбнулась. – Я приехал сегодня пораньше, чтобы кое-что вам сообщить.

Я поперхнулась, почему-то вспомнив о том, как мою подругу Мэд насильно выдали замуж. Но мой же отец не станет так поступать? Горничная подошла ко мне с вином, и я еле уловимо качнула головой, делая знак, что выпивать сегодня не буду. К сожалению, от отца это не укрылось.

– Лилиана, сегодня, думаю, тебе тоже стоит выпить. Надеюсь, это для тебя будет первый опыт употребления алкоголя?

Взгляд отца похолодел, а я широко улыбнулась:

– Второй, папочка. Первый раз я выпила вина на свое восемнадцатилетие, помнишь?

– Да, точно. Итак, у всех бокалы наполнены, – отец взял в руку бокал. – Я хочу сообщить вам, что меня избрали в Совет пяти империи.

Официально империей правит император Арракел, опираясь на доверенных аристократов, но фактически власть сосредоточена в руках Совета пяти – собрания министров империи, обладающих практически неограниченными возможностями. Причем редко какой министр относится к аристократам, считается, что великие роды выше таких глупостей, как управление империей. С ними советуются, к их мнению неофициально прислушиваются, но вешать на себя ярмо министра – удел выскочек из неблагородных. В Совет пяти попадают лишь те, у кого есть заслуги перед страной, высокий уровень влияния и какие-то исключительные личные качества, и неважно, каким министерством руководит избранный: это может быть и министр науки, и министр транспорта. Это почетно – быть дочерью министра Совета пяти, и я с искренней радостью захлопала в ладоши:

– Папа, но это же чудесно!

Мама завизжала и бросилась отцу на грудь, из-за чего он расплескал виски. Но все только счастливо рассмеялись.

– Да, это, безусловно, огромный шанс, мои девочки. Но я прошу вас никому не говорить, пока официально не будет объявлено. Не хотелось бы, чтобы меня начали поздравлять раньше, чем я почувствую торжество момента.

– Конечно, – я захлопала в ладоши. – А когда это объявят, нам нужно делать вид, что мы поражены?

Отец улыбнулся:

– Можешь точно так же похлопать в ладоши, и этого будет достаточно. Я думаю, вы меня не опозорите и поведете себя достойно.

Я опять чуть не поперхнулась, почему-то вспомнив о том, что буду участвовать в конкурсе нижнего белья. Но какая в сущности разница? Разве может какой-то журнал повлиять на положение отца? И ничего такого предосудительного я делать не собираюсь. Насколько мне известно, младшая дочь одного из министров Совета пяти является действующей моделью. И не думаю, что она диктует правила, в чем будет сниматься, а в чем нет. Вернее, без чего не будет сниматься.

Родители что-то продолжили обсуждать между собой, а я задумчиво ковырялась вилок в салате, опять вернувшись мыслями к вопросу противодействия Лиззи. Очень хотелось немедленно позвонить ей и похвастать, что моя семья достигла таких высот, какие семье Контас и не снились, но запретили же. Ничего, я дождусь дня своего триумфа, лично открою открытку с поздравлениями от семьи Контас и напишу ответ. А если очень повезет, возможно, мы даже встретимся на том самом приеме, когда о вступлении отца в Совет станет официально известно.

– Лилиана, – обратил на меня внимание отец. – Чему ты улыбаешься?

– Открывающимся перспективам, – честно призналась я.

– Отлично, о перспективах как раз я и желаю с тобой поговорить.

Я вопросительно приподняла бровь.

– Лилиана, год назад ты окончила гимназию и занималась всем, что душе твоей угодно. Но теперь, я считаю, пора уже сделать выбор: к чему ты будешь стремиться в жизни?

– Это тот самый серьезный разговор между отцом и дочерью? – хмыкнула я. – Папа, я уже занимаюсь тем, чем хочу.

– То есть ничем?

Я густо покраснела и взглянула на маму в надежде, что она за меня вступится. Но нет, мисси Тиррос уткнулась в свою тарелку и старательно делала вид, что все происходящее ее не касается. Впрочем, как обычно. Я почувствовала, что начинаю закипать.

– А ты хочешь посадить меня в кабинет перебирать твои министерские бумажки? Я не для этого рождена, папа!

– Для чего ты рождена – решать нам. Все-таки мы в этом непосредственно участвовали.

– Ну давай, заведи шарманку насчет того, что твоя дочь должна заниматься важным делом.

– У тебя был целый год после окончания гимназии, который ты хотела потратить на выбор места обучения. Я не говорю, что тебе стоит «перебирать бумажки», если ты захочешь заниматься... ну не знаю, прическами, например, то я помогу. Ты можешь поступить в академию красоты, а после того как выпустишься, попробуешь открыть свой салон. Все что угодно, но я хочу видеть, что ты пытаешься чего-то достичь в жизни, а не просто прожигаешь ее.

– Это что, скандал? – Я глупо поморгала, пытаюсь остановить слезы, грозящие хлынуть из глаз. – То есть ты считаешь, что твоя дочь ничего не сможет достичь без этой глупой Академии? Чему учат в Академии красоты? Ножницы держать? Я хочу быть моделью!

– Это исключено, – фыркнул отец. – Твое увлечение моментографией я могу стерпеть только в качестве хобби. Делать из этого профессию не позволю.

Я бросила салфетку, которую нервно комкала в руках, на пол и вскочила на ноги, чуть не перевернув стол. Отец показательно громко вздохнул, призывая маму обратить внимание на мое поведение.

– Ляля, – мама беспомощно подняла глаза, но я не обратила на нее внимания, отлично понимая, кто командует парадом. Парадом посприяния моих желаний и порчи жизни.

– А я... я не позволю, – я задыхалась от злости, не зная, что сказать. Отец грустно смотрел на меня, и от этого становилось еще больнее. Будто я и впрямь плохая, капризная девчонка. – Я не позволю тебе командовать!

– Так, хватит, – отец закатил глаза. – Ты говоришь на эмоциях, мне это не нравится.

Я чуть в голос не разрыдалась:

– То есть это я на эмоциях?

– Лилиана, – голос отца похолодел ровно на градус, но я поняла, что он в бешенстве. – Ступай в свою комнату.

– Но я не договорила...

– Я все сказал. Ступай. В свою. Комнату.

Воздух в столовой похолодел и начал давить на виски. Отец, как и я, владел магией воздуха, и сейчас будто бы давал мне понять, насколько я слабее его.

– А это зачем? – с тоской спросила я. – Ты силен, это и так все знают.

В следующий миг меня вынесло из столовой и, почти протаскив по коридору, забросило в спальню. Хорошо хоть двери открывались заранее.

С отцом мы больше не разговаривали ни в этот, ни в другие дни. Он по-прежнему уходил ранним утром, а возвращался поздней ночью, когда я уже спала без задних ног. Даже по минибуку он со мной не связывался, ожидая, по-видимому, что я устыжусь и пойду на перемирие первой. Зря ждет: упрямымством я пошла в него.

Между тем приближался мой день рождения, и мама уже начала переживать, спрашивая, почему я ничего не организовываю. Я делала вид, что просто очень обижена недавним скандалом, а на самом деле находилась в совершеннейшей панике из-за того, что на праздник некого будет пригласить. Поэтому после недолгих раздумий решила, что лучше день рождения не буду праздновать вовсе, чем организую великолепный праздник, на котором буду в одиночестве.

Альф прислал моментографии, и я с искренним удовольствием в который раз обнаружила, что великолепно выгляжу на всех изображениях. Что бы ни говорил отец, но карьера модели – это то, для чего я рождена. Я отобрала пару моментографий и отправила организаторам конкурса. Мне прислали стандартный в таком случае ответ, что жюри конкурса оценит все работы и сообщит о дальнейшем продвижении моей кандидатуры. Но уже все вокруг знали, что в финал выйдут работы, которые наберут большее количество голосов на сайте журнала. И своим благотворительным ужином Лиззи, конечно, обеспечила себе необходимый ажиотаж для отбора в финал. Ну что ж, пусть надеется, так как победит в любом случае самая красивая девушка, и тут уж ужин делу не поможет.

За пару дней до окончания лета я связалась с Альфом. Заметно было, что слышать меня он не очень рад, но портить отношения с дочерью министра было бы неразумно.

– Альф, мне нужна твоя помощь.

– Не может быть, – фыркнул парень. – Я надеялся, что ты просто хочешь позвать меня пройтись по магазинам.

Я закатила глаза, радуясь, что минибук передает только звук, а не изображение.

– Альф, Лиззи приглашала тебя на свой благотворительный ужин?

– Да, приглашала. Ляля, я надеюсь, ты не собираешься назло ей звать меня на свой день рождения? Очень неудобно отказываться, но я все же предпочту Лиззи. Она первой меня пригласила, да и все наши там будут...

– Все наши – это иммигранты или парни с нетрадиционной ориентацией? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Альф сердито засопел:

– Ляля, ты всех гостей собираешься шантажировать? Сомневаюсь, что в таком случае на твоём торжестве будет достаточно праздничная атмосфера.

– Я тоже сомневаюсь, – покаялась я. – Поэтому хочу пойти на благотворительный ужин к Лиззи, но она, к сожалению, забыла прислать мне приглашение.

– Вот как, – растерялся Альф. – Ты хочешь, чтобы я отдал тебе свой?

– Ну зачем же. Тебе достаточно просто взять меня в качестве своей пары.

– Пары? Но ведь все знают о том, что в качестве пары я предпочитаю мужчин...

– Альф, не тупи, – на примере отца я добавила в свой голос холодка. Надеюсь, получилось так же грозно, как у него. – Плевать, поверят в наши отношения или нет. Мне просто нужно пройти контроль на входе, а без приглашения это невозможно.

Альф недолго помолчал, а затем спросил:

– Ты же точно не собираешься со мной встречаться?

– Вообще-то собиралась! – возмутилась я, едва сдерживая смех. – Но ты убил все светлые чувства во мне этим жестоким вопросом. Так что теперь только выгода, только товарно-денежные отношения.

– Хорошо, – Альф окончательно успокоился. – Тогда заезжай за мной в субботу в семь часов.

– Я впервые сама повезу мужчину на свидание.

– Конечно, я и сам могу за тобой приехать, но исключительно на мобилусе, а толпа, которая обычно в нём передвигается, вряд ли оценит твоё вечернее платье.

Платье для ужина я и впрямь выбрала великолепное, так что рисковать не стоило.

Накануне своего дня рождения я стояла перед большим зеркалом и, придирчиво вглядываясь в родные черты, размышляла. Итак, что мы имеем: голубые глаза не такие яркие, как у мамы, но все же. Их следует совсем чуть-чуть подчеркнуть косметикой, и тогда они заблестят, заиграют на моем лице еще интереснее. Немного курносый нос, я его досадливо сморщила, но тут же успокоилась, вспомнив массивный отросток на лице Лиззи, который она называет носиком. Губы... Вот губы могли бы быть и попухлее – для моментографий это идеально, но чего нет, того нет. Приходится, опять же, пользоваться макияжем.

Я приподняла руками волосы, делая причёску объёмной. Вот волосы хороши по-настоящему: длинные, густые и цвет темно-рыжий, насыщенный, приятный, а главное, естественный. Ни разу я не обращалась к магии для изменения их структуры и цвета. В отличие от той же Лиззи. Я фыркнула и покрутилась перед зеркалом, рассматривая платье. Одеваться я, без ложной скромности, всегда умела (грех не уметь это делать при возможностях моего отца) и в этот раз мой выбор пал на искристое обтягивающее платье, которое казалось стекающим серебром. В этом платье открытыми остаются только руки, воротник закрывает почти всю шею, а подол стелется по полу. Я знаю, что Лиззи для ужина, на котором она будет ощущать свое превосходство, наденет что-то суперторжественное, возможно, даже пышное. Вот пусть и чувствует себя торговкой на балу.

Зарядив свою самооценку на полную катушку, я глубоко вздохнула, набираясь смелости, и открыла мини-бук. Уже давно на сайте «Паннекса» для меня стоит закладка, и потому моментографии участниц открылись передо мной сразу. По мнению читателей, на первом месте была я. Именно моя моментография пока что была в золотой рамке и красовалась на вершине пирамиды. От радости я будто раздулась, завизжала от восторга, попрыгала на месте и только потом приступила к тому, ради чего зашла на сайт. На втором месте в серебряной рамке красовалась моментография Лизаветы Контас. Я увеличила ее и зло зашипела.

Лизавета выше меня почти на голову, и я всегда думала, что такой рост больше подходит для подиумов, чем для моментографий, но вынуждена признать, что для конкурса Лиззи сделала невероятное. На себя эта бесовка нацепила белье от Элисии Агарт и предстала перед зрителями в образе ангела. Высокая фигуристая блондинка с пухлыми губами и глазами в пол-

лица – ангел получился вполне себе порочный, но очень убедительный. Для полноты образа эта зараза, по-видимому, наняла мага воздуха, потому что парила на моментографии высоко над землей. Завидев меня на сайте, Лиззи ухмыльнулась и показала язык. Еще бы ей не радоваться – разрыв голосов минимальный, а после благотворительного ужина будет громадный перевес в сторону Лизаветы Контас. Я сжала кулаки и только серьезным усилием воли сдержалась и не зарядила мини-буком в стену.

* * *

Должна признать, что день рождения без гостей – достаточно скучный праздник. Утром меня поздравила мама, поинтересовалась, точно ли не будет гостей, и сбежала в свой фонд организовывать очередное мероприятие. Мне очень интересно: фонд вообще чем-то занимается или только гуляет полным составом на праздниках? Отец передал подарок с водителем, а сам даже не появился, все еще ожидая от меня извинений. Что ж, пусть ждет. Извиняться я не собираюсь вовсе и уж точно не собираюсь звонить первой в свой собственный день рождения. Многочисленные родственники прислали огромное количество подарков, которые я пока даже разворачивать не стала, лишь пробежалась пальчиками по шуршащим упаковкам. Все знают о моем увлечении антиквариатом, и в коробках, более чем уверена, лежат всякие статуэтки, которые со стариной связаны не более, чем мозг Лиззи. Она, кстати, тоже отметилась, и ее то подарок я открыла. В цветную обертку были упакованы все пятнадцать томов «Истории империи Танзани», а сверху лежала маленькая открытка в форме сердечка, на которой было написано: «Читай, больше тебе ничего не остается».

Я улыбнулась и разорвала открытку на мелкие кусочки. Зато книги попросила отнести наверх в мою личную библиотеку и поставить на отдельную полку. Эта дрянь даже не понимает, насколько ценный подарок сделала.

Из-за Альфа мы безбожно опоздали на ужин. Уже выехали в ресторан, но моментограф вдруг решил, что его золотистый костюм не сочетается с моим платьем и нужно срочно переодеться. Переодевался он так долго, что, подозреваю, его нижнее белье с моим платьем тоже не сочеталось. Когда мы наконец прибыли в ресторан (лучший ресторан города, смею заметить), основная масса гостей уже давно прибыла и расцеловалась с Лиззи на входе. Меня это порадовало: настроение тем приятнее портить, чем оно выше.

Охрана пропустила нас без лишних вопросов, да и Лиззи никто не побежал докладывать о моем приезде, из чего я сделала вывод, что Контас даже и подумать не могла, что мне придет в голову явиться. Нас проводили к залу, откуда доносились смех и музыка, и тут Альф шепотом сказал:

– Может быть, зайдем отдельно друг от друга?

Я удивилась и взяла его под руку, чтобы не сбежал:

– Это еще почему?

Альф завозился, попытался вырваться, но отбиваться было неудобно: охрана и так на нас удивленно поглядывала, а обращать внимание на тихое недовольство моментографа я не собиралась.

– Лиззи поймет, кто тебя провел сюда. Ты же мне всю жизнь испортишь!

– Да прямо уж испорчу, – хотелось сохранить чудесное настроение, но я чувствовала, что начинаю злиться. – Я скоро стану лицом журнала «Паннекс», и моментографы в очередь будут выстраиваться для того, чтобы заполучить мою натуру.

– А если не станешь?

Охранник решил сам открыть двери, раз уж мы стояли как вкопанные, и Альф зашипел и задергался, делая ему знак остановиться. Охранник испуганно замер, а я сделала страшные глаза, всячески показывая, что дверь все-таки открыть стоит.

- Обидно, что ты в меня не веришь, Альф!
- Да ты видела ее моментографии... Ой!
- Лиззи, дорогая, рада тебя видеть!

Охранник все-таки послушал именно меня и распахнул перед нами двери зала. Как раз в этот момент музыка стихла, и я в тишине вплыла в помещение, глядя прямо на Лиззи, которая замерла с бокалом в руках и явно желала что-то сказать. Платье Лиззи, как я и думала, было настолько ярким, что слепило глаза. Длинное, сверху-донизу расшито пайетками и идет Контас неимоверно.

- Прости, мы немного опоздали.

Альф мотылялся за мной, как сумочка на плече, и явно мечтал умереть сию секунду.

– Привет, Лялечка, – еле разомкнула ярко накрашенные губы Лизавета. – Совершенно не ожидала тебя здесь увидеть.

Еще бы, дрянь такая, ты же меня не пригласила. Но вслух произнесла:

– Ой, дорогая, узнав, что ты организовала благотворительный вечер, я даже отменила празднование своего дня рождения, желая тебя поддержать.

Поняла? Шах и мат тебе, Лиззи! Не ты сорвала, а я отменила.

Журналисты не пропустили ни кадра – я слышала, как щелкают затворы моментоаппаратов. Надеюсь, в журналы попадет глупое лицо Лиззи, запечатленное именно в тот момент, когда я вошла.

– Именно поэтому я не получила приглашения на твой день рождения? Ты сразу же решила его не отмечать?

– Дорогая, конечно, именно поэтому. А ты наверняка не прислала мне приглашения на ужин, потому что боялась расстроить тем, что праздники назначены на один день?

Все это время мы с Альфом двигались по проходу между столами, приближаясь к Лиззи, а все гости следили за нашей перепалкой, поворачивая головы туда-сюда.

– Нет-нет, Лялечка, уверена, это мои помощники ошиблись, не прислав тебе приглашения, и они будут наказаны.

– У тебя есть помощники? – удивилась я. Наконец-то дошла до Лиззи и замерла прямо напротив ее столика. Альф крикнул и дернул меня за руку, показывая, что нашей битвы взглядов не выдержит, и моментографа я отпустила. Уверена, он за свой столик бежал, как кролик, но проконтролировать этот момент не получилось – мы с Лиззи смотрели друг на друга не моргая.

– Да, есть, – Лиззи наконец-то отвела взгляд и подозвала к себе худющую девушку с длинными черными волосами, собранными в хвост, и миниатюрного парня в дорогом костюме. – Лукас и Ольги.

Я мельком окинула их взглядом.

– И в чем они тебе помогают. В безделье? В просаживании денег твоего отца?

Я засмеялась, разряжая гнетущую обстановку, и кто-то из гостей тоже захихикал, поддерживая шутку. Но я не шутила. И Лиззи это знала: по ее злomu взгляду это было отлично понятно.

– В моей карьере, Лялечка. Отец считает, что я рождена для карьеры модели, и Лукас и Ольги теперь занимаются моим продвижением.

Все ясно. Я так и думала, что Лиззи самостоятельно не смогла бы родить идею с благотворительным ужином. Должен быть кто-то, кто эту идею вложил ей в голову.

Девушка Ольги махнула кому-то, и заиграла тихая музыка.

– Уважаемые гости, давайте дадим хозяйке сегодняшнего вечера немного пообщаться с лучшей подругой! – Гости, как по команде, уткнулись в тарелки.

– А у тебя как дела? – продолжала Лиззи. – Слышала, что твой отец загорелся идеей пристроить тебя куда-нибудь. Так и сказал: или она пойдет учиться, или выдам ее замуж.

По-видимому, я поменялась в лице, потому что Лиззи торжествующе улыбнулась. Ольги протянула мне бокал шампанского, я автоматически взяла его и сделала глоток.

– Интересно, где ты это слышала? Вернее, где ты подслушивала это, Лиззи? Скорее всего, из туалета возле кабинета твоего отца, с детства помню, что там восхитительная акустика.

– Что ты так переживаешь, Лялечка, – ядовито улыбнулась Лиззи. – Думаю, ты выберешь учебу – я не зря подарила тебе пятнадцать томов истории нашей империи. Тебе теперь только и остается, что читать их. И перед сном, и после сна, и вместо сна. Но ты же так это любишь, верно?

– Читать любят все, – отмахнулась я. – Все, кто умеет. К тебе это, конечно, не относится.

– Ну, знаете, – вспыхнула Ольги. – Вы молчите, Лизавета, но я не намерена это больше терпеть.

– Не терпи, сходи пописай, – отрезала я.

– Не обращай внимания, – Лиззи едва взглянула на свою помощницу, которая чуть не задохнулась от злости. – Ляля просто бесится, что мой отец разрешил мне сделать то, о чем ей остается только мечтать. Дорогая, мсье Тиррос в курсе, что ты отправила на конкурс моментографии в нижнем белье?

Вот тут я не выдержала. Почувствовала, как гнев заливает сознание, и услышала вдруг звон дрожащей на столах посуды. Наверное, в зале есть еще один маг воздуха, хорошо, что его тоже бесит происходящее. С моим уровнем силы я, к сожалению, могу только пушинки поднимать вверх.

– Лиззи! – Я слышала свой голос будто бы издалека. – А твой отец в курсе, что ваша семья теперь всегда будет второй?

Лиззи расхохоталась:

– Не понимаю, о чем ты.

Мне казалось, что музыка очень громко звучит, бьет по перепонкам. Я словно бы становилась больше и больше, раздуваясь, как шар.

– Отцу предложили вступить в Совет пяти. Как тебе такое?

По глазам Лиззи я поняла, что «такое» ее не устраивает – они вмиг потемнели и, казалось, увеличились почти вдвое. Пухлые губы задрожали, будто бы Лиззи собиралась расплакаться, и вдруг...

– Ах ты дрянь!

Эта неадекватная самым возмутительнейшим образом вцепилась мне в волосы. Я уронила бокал, а кто-то завизжал. Стало больно, на мгновение я опешила, а потом поняла, что прическа моя безвозвратно испорчена, и вконец взбесилась. Следующие события всплывали в сознании короткими вспышками. Вот на меня бросилась Ольги и за ноги оттаскивает от своей работодателя. Вот я держу в руках клок белесых волос и победно смеюсь. Вот Лиззи навалилась на меня сверху всем своим немаленьким весом и кричит, что ее убивают. Вот задрожали приборы на столах, и Лиззи вихрем сметает с моего многострадального тела. И наконец в зал влетели какие-то люди в черном и заключили меня в магические оковы.

Окончательно очнулась я только в офицерском пункте. Большой кабинет с маленькими зарешеченными окнами, минимум мебели, сидящий в кресле молодой симпатичный офицер и я, плененная магическими оковами и не способная шевелить руками и ногами.

– Ну что, Лилиана Тиррос, пришли в себя? – невозмутимо перекладывал бумаги на своем столе офицер. – Можете разговаривать адекватно?

Я с трудом разомкнула пересохшие губы:

– Вроде бы. Что случилось?

– Выброс адреналина спровоцировал всплеск большого количества силы, а так как для вас это нетипично, по-видимому, произошло помутнение сознания. Я не специалист, честно сказать, об этом вам лучше целители расскажут.

– Это невозможно, – я потрясла головой. – Я почти нулевая, мне даже бытовая магия не подчиняется.

Офицер недоверчиво хмыкнул и выложил передо мной моментографии. На одной из них был запечатлен зал ресторана, в котором совсем недавно проходил благотворительный ужин Лиззи. Вот только мало он был похож на тот, который я помнила. Столы теперь уже не стояли, а валялись на полу, при этом большая часть их была разбита, словно ими кто-то швырял в стены. Стены, кстати, тоже пострадали: штукатурка во многих местах отвалилась, декор выглядел совершенно непотребным образом... Шторы, на мой взгляд, вообще меньше всего были испорчены – все эти ключья вполне можно пришить.

– Не может быть, – ужаснулась я. – Это все мы с Лиззи устроили? Она что, меня об столы башкой била?

– Кхм, – нахмурился офицер. – Если честно, это сделали только вы, Лилиана.

Я недоверчиво уставилась на офицера, посверлила его взглядом с минуту точно и только потом выдохнула:

– Да вы меня разыгрываете.

– Даже мысли не было.

– Но... Но это же невозможно. Я с помощью магии даже вилку никогда поднять не могла!

– Ну, думаю, до этого вам никогда и волосы не выдергивали, – равнодушно пожал плечами офицер. – Стресс, гнев, боль в вашем случае творят чудеса.

– Но почему гости не вмешались? – не поняла я. – Можно же было погасить вспышку силы. Неужели не было никого сильнее меня?

Я совершенно не могла верить в то, что пытался втолковать мне офицер. Я не владею таким уровнем силы, даже глупо такое предполагать. Меня в детстве по многим знатокам и целителям водили, и все в один голос утверждали, что не удалась я в плане силы, потенциал равен единице. Не ноль, но близко к этому. Я окинула себя взглядом, может быть, офицер говорит правду? Подол моего платья оказался разодран, не на критичную высоту, но все же серебристую тряпочку придется выбросить. Как ни странно, на ногах у меня осталась только одна туфля, нос которой был безобразно расцарапан.

– По-видимому, не было. Лизавета Контас на ужин не приглашала боевых магов, а при подобном выбросе противостоять вам никто не мог.

Меня будто бы водой из ушата обдало. Я подняла испуганный взгляд на офицера и задала самый главный вопрос сегодняшнего вечера:

– Лизавета, она... она жива? Не пострадала?

Офицер поморщился, и момент, который прошел до его ответа, показался мне целой жизнью.

– Пока жива. А вот повреждения имеются.

Я почувствовала, как глаза наливаются слезами.

– Серьезные повреждения?

– Да нет, вывих руки, ссадина на лице, и волос поуменилось. – Мне показалось или офицер подмигнул мне? Сквозь пелену слез наверняка не рассмотрела.

– Почему вы тогда сказали «пока жива»?!

– Ну сейчас же она жива, а откуда я знаю, что произойдет через полчаса? Может, у нее сердце от пережитого ужаса остановится.

От скорой смерти офицера спасло только то, что в кабинет кто-то вошел. А у меня и так было слишком много свидетелей при последней вспышке гнева, чтобы глупо подставляться.

Я инстинктивно повернулась, пытаясь рассмотреть вошедшего, а когда увидела... В общем, лучше бы я скончалась от избыточного выброса силы, потому что кабинет офицера решил посетить министр внутренних дел мсье Тиррос собственной персоной.

– Папа, – пискнула я и вся сжалась, надеясь в сию же секунду потерять сознание. Не удалось.

– Мсье Тиррос, – офицер встал, приветствуя министра, и судорожно попытался ослабить воротник. Некомфортно, по-видимому, себя чувствует. Еще бы, не каждый день участок посещают птицы такого высокого полета.

– Офицер Рьед, приветствую, – голос отца звучал достаточно ровно, но я явственно ощущала гнев в его голосе. Мсье Тиррос стоял за моей спиной, и видеть выражение его лица я не могла. – Вы пленили мою дочь?

– Прошу прощения, но иначе не получалось остановить тот ураган, который она устроила.

– Отпустите.

Отец говорил тихо, но магические кандалы сразу же разомкнулись, и я получила возможность шевелиться. Сразу же схватила за кисти, разминая их и показательно демонстрируя, как мне было некомфортно. Надеюсь, что отец пожалеет, но зря.

– Я могу забрать Лириану?

– Конечно, – засуетился офицер. – Надо только оформить необходимые бумаги, да и с владельцем ресторана обсудить убытки...

Ну, естественно, взятку дать.

– Этим займется мой адвокат, – отец потянул меня за локоть, и я встала, не поднимая взгляда на родителя. Стыдно было невообразимо. – Он сейчас в холле общается с мсье Контасом.

Министра Контаса видеть сейчас я хотела в последнюю очередь: было стыдно за произошедшее. Как ни странно, он у меня такого глухого раздражения, как его дочь, не вызывал. Мсье был высоким, чуть растолстевшим мужчиной, абсолютно лысым и со спокойным, миролюбивым нравом. В отличие от отца, он знаток, гениальный экономист, который, став министром внешней торговли, вывел торговую деятельность империи на новый уровень.

Мой локоть отец не отпускал ни на секунду. Буквально вытащил из кабинета и быстрым шагом спустился по лестнице, так что мне пришлось бежать следом, спотыкаясь в длинном платье и в одном экземпляре обуви. Мсье Контас стоял в холле рядом с нашим семейным адвокатом, а увидев меня, нахмурился и отвернулся. Мне стало стыдно, я опустила голову и еще быстрее пропустила за отцом, так что в дверь выскочила первой.

Домой мы ехали на моем омнибиле. За рулем был Марк, отец сел рядом со мной, наверное, не рискнул вести омнибил в таком состоянии. Едва мы тронулись, мсье Тиррос похлопал руками по карманам и чертыхнулся.

– Марк, есть сигареты?

Марк, видя настроение работодателя, закивал и, наклонившись, достал из-под сиденья сигареты. Мои. Дамские. Отец принял из рук водителя тоненькую пачечку розового цвета и глупо на нее уставился. Я прямо видела на лице мсье Тирроса все мысли, которые пробегали в его голове. Отрицание, понимание и, наконец, гнев.

– То есть ты еще и куришь! – взревел отец, отбрасывая сигареты в сторону. Водитель вздрогнул и прибавил газу. Хотелось сказать, что нет, не курю, но мускулистый Марк не производил впечатления курящего длинные дамские сигареты со вкусом вишни. Я пискнула, пытаясь в одном звуке отразить и согласие, и мольбу о прощении. Отец мельком взглянул на водителя и, щелкнув пальцами, поставил воздушную заглушку между ним и салоном. – Ты хоть понимаешь, что ты устроила на ужине?!

– Мне рассказали, – пролепетала я.

– Рассказали ей! А ты понимаешь, что по газетам мгновенно разлетелись моментографии того, как вы с Лиззи таскаете друг друга за волосы? Все видели, что моя дочь совершенно не умеет вести себя на людях, но это не самое плохое!

Попыталась было представить, что может быть хуже того, что я разнесла ресторан и избила дочку лучшего друга отца, и, честно сказать, ответ знала.

– Самое плохое то, что мою дочь видели в трусах все кому не лень!

– Откуда ты знаешь? – это мой голос или мышка спряталась в омнибиле? – Лиззи сказала?

– А почему бы и нет, – отец стукнул кулаком по стеклу. – Ты же ей рассказала, что меня избрали в Совет пяти. Скажи спасибо, что она и ее помощники не выдали эту информацию прессе.

– Спасибо ей сказать? – не поверила я своим ушам. – Папа, да она кинулась на меня, как... как... неадекватная какая-то!

– Кто на кого кинулся, я видел на моментографиях, – отрезал отец. – Кинулась она, а ресторан разнесла ты! Хватит уже, Лилиана, учись брать ответственность за свои поступки.

Глаза начало жечь от нестерпимой обиды. Да, я виновата. Да, ресторан, да и Лиззи жалко. Но есть же и вторая сторона в конфликте. Почему мой родной отец безоговорочно встал на сторону Лиззи?

– Это просто конкурс, папа, – прошептала я. – Я хочу быть моделью.

– Только через мой труп, Лилиана, – взревел отец. Я почувствовала, как машина затряслась, хотя дорога идеально ровная.

– А Лиззи разрешили!

– Ты не Лиззи Контас! Ты Лилиана Тиррос, и моя дочь будет заниматься социально полезным делом.

– Дворы подметать? – предположила я.

– Нет уж, – фыркнул отец и взглянул на меня таким взглядом, что стало понятно: меня ждет если не принудительное замужество, то что-то близкое к этому. – Ты пойдешь учиться.

– В Академию красоты?! Там же одни тупицы учатся, которым сил хватает только на бытовую магию, но есть деньги, чтобы их обучили ею владеть виртуозно.

И тут же осеклась – а ведь я именно такая тупица. Только мне и бытовая магия недоступна.

– Нет уж, в Академию красоты я хотел отправить тебя раньше, а после того, как ты разнесла ресторан, я понимаю, что есть шансы поступить в Академию власти. Ты не настолько глупа, насколько хочешь казаться, любишь историю, так что станешь знатоком, как твоя мама.

– Да конечно, – психанула я. – Шесть лет в закрытой дурацкой академии где-то в горах, чтобы после ее окончания сидеть в твоём кабинете с бумагами! Да никогда!

– У тебя выбора нет, – отец окончательно успокоился и вернулся к своему обычному деловитому тону. – Я полностью лишаю тебя денежного содержания, забираю твою студию, омнибиль и мини-бук. С «Паннексом» уже связались – твоя моментография снята с конкурса.

– Да как ты смеешь! – Я почувствовала, как в груди разливается холод. – Это же мой омнибиль, ты подарил мне его на восемнадцатилетие.

– Он и остается твоим. Но получишь ты его только после окончания академии.

Омнибиль мягко притормозил – мы подъехали к дому. Я хотела было открыть дверь, но поток воздуха толкнул ее обратно.

– Сегодня последний день лета. Завтра заканчивается распределение. Так что у тебя есть ночь на то, чтобы собрать самое необходимое, а утром я заеду, чтобы отправить тебя в академию.

– Омнибиль – необходимое! – рыкнула я, упершись взглядом в сиденье напротив. Расставаться со своей любимой игрушкой я была не намерена.

– Можешь не брать совершенно ничего – твое право. В академии предоставят форменную мантию, постель, еду и письменные принадлежности, не думаю, что порядки там сильно уж изменились со времени моего обучения, так что помощь тебе не потребуется.

Мне хотелось расплакаться, слезы не то чтобы сильно влияли на отца, скорее могли заставить его смягчиться, но, как назло, обида душила сухим гневом. Я задыхалась, но не могла выдать ни единого аргумента в свою пользу. Для меня возможными были только глупые выпады:

– У меня же день рождения сегодня! Как ты можешь?

– Лилиана, – отец протянул руку и повернул мое лицо к себе. – Я дарю тебе самый лучший подарок – возможность изменить жизнь к лучшему. Стать самостоятельной. Уверен, когда-нибудь ты это оценишь.

Глава 2

Самый лучший подарок! Да как же! Всегда мечтала похоронить свою жизнь за одним из офисных столов министерства. Да как он посмел вообще?! Никогда не буду учиться в этой дурацкой академии, пусть даже не надеется. Я даже поступить туда не смогу: наверняка для абитуриентов устроят какие-то испытания, а я магией совсем не владею и стараться не собираюсь. А даже если каким-то чудом мне удастся поступить – ведь отец наверняка знает, кому можно заплатить в приемной комиссии, – не проучусь и недели. Вышвырнут меня если не за дрянную успеваемость, так за отвратительное поведение. Уж я об этом позабочусь, пусть будет уверен.

В доме ждала мама, которая наворачивала круги в холле, прижимая к груди заплаканный платок. Она, даже нервничая, была великолепна, мне бы так. На входе я взглянула в большое зеркало: красные воспаленные глаза, на голове не волосы, а гнездо без перьев, платье разорвано в самых неожиданных местах. Чудо-то какое – именно так и нужно ехать в академию, если я хочу, чтобы передо мной закрыли ее двери.

– Лилиана, что происходит? – выдохнула мама, а я не выдержала и, разрыдавшись, бросилась в ее объятия. В моей душе еще жила надежда, что мама сможет повлиять на отца: уговорит, убедит, заставит его отказаться от этой глупой мысли заслать меня в Академию власти. Но мама, выслушав меня, напоив с помощью прислуги чаем, вдруг сказала:

– Ты знаешь, Ляля, мне кажется, Чиррас прав. Тебе давно пора принять важное решение в своей жизни и ступить на истинный путь.

– Что это значит? – я удивленно приподняла брови. – Ты хочешь, чтобы я уехала из дома на шесть лет?!

– Ляля, не драматизируй. Ты будешь приезжать на каникулы, а если все будет хорошо и отец смягчится, то и на выходные. К тому же ты отлично понимаешь, что слишком долго он злиться не сможет, и вполне возможно, если тебе удастся закончить год с хорошими оценками, ко второму курсу Чиррас восстановит денежное довольствие. Смотри в будущее с оптимизмом.

Я чуть со стула не упала после таких слов:

– А весь год как же мне жить?!

– А как мы жили? – парировала мама. – Когда я и твой отец поступили в академию, у нас не было и тысячной доли того, что есть сейчас. Академия полностью обеспечивает своих студентов.

– Да, мантия, еда и постель. Слышала уже, – разозлилась я. – Ты серьезно, мам? Поговори с папой, я не смогу жить без новых нарядов, без моментосессий, да в конце концов, без своих друзей.

– Твои друзья даже не соизволили тебя поздравить, – напомнила мама.

– Очень тактично об этом напоминать, – я вскочила на ноги. – Возможно, я пропустила поздравления из-за того, что сидела в офицерском пункте...

– А возможно, из-за того, что твои друзья не являются таковыми, – мама примирительно улыбнулась. – Все не так плохо, Ляля. У тебя есть шанс обзавестись настоящими друзьями, получить профессию, научиться владеть силой... Мы любим тебя, дорогая. И я, и папа хотим тебе только добра.

– Хорошо об этом рассуждать, двигаясь на омнибиле в новом платье на очередной прием. В то время как я буду страдать не пойми где! Это не мое место, мама.

Мою мать смутить нереально. Она легко вскочила с высокого барного стула и, звонко смеясь, двинулась на второй этаж.

– Ляля, дорогая, в омнибиль я села, когда уже закончила Академию власти на одни пятерки и при этом была старостой курса. Помни об этом, когда в следующий раз захочешь меня задеть. И поспеши собрать вещи, рассвет уже через пару часов, а папа ждать не будет.

Выбрать необходимое... Как можно выбрать необходимое из всего того великолепия, что меня окружает? Половину платьев из своего гардероба я даже ни разу не надела, и мне теперь предлагают их здесь оставить? Наедине со шкафом я была недолго – достала все свои сумки и распихала по ним одежду не глядя. В одну из сумок бросила гигиенические принадлежности и целую армию всяких бутылочек из ванной комнаты. Надеюсь, у меня будет возможность понежиться в ванне. Ароматная соль и все мои кремы позволят хоть немного смириться с произошедшим.

Ожидая отца, я приняла душ и задумалась над тем, что же надеть. Разум подсказывал, что нужно выбрать что-то удобное, все-таки неизвестно, какие испытания мне предстоят. Но обида прямо нашептывала одеться с шиком, чтобы провалить эти самые испытания с блеском. Поэтому я выбрала алое платье с пышной юбкой до колена и тонкими бретельками. Покрутилась перед зеркалом – великолепно! Похожа на принцессу. Завила волосы и бросила плойку в одну из сумок. Мало ли, вдруг мне придется задержаться в академии на пару дней.

Наконец появилось время прислушаться к себе. С момента, как я узнала о том, что владею каким-то большим уровнем силы, вроде бы ничего не изменилось – руки не мигали, да и никаких странных ощущений не возникало. Кроме обиды на родителей, конечно же. Я встала посреди комнаты и постаралась призвать силу. В детстве меня пытались учить это делать, и теперь нужно было просто вспомнить старые уроки. Итак, глубоко вдохнуть, почувствовать внутри себя комок и дать ему разрастись по клеточкам. Не знаю, что там насчет клеточек, но сила неожиданно пришла. Настолько неожиданно, что я растерялась и не поняла, что с ней делать, а в итоге – мой шкаф разнесло как из прицельного выстрела.

– Ой, – только и сказала я. Хорошо хоть, стояла далеко, а то бы еще и опилками обсыпало.

Рассвет наступил непростительно быстро. Отец приехал на своем омнибиле и вошел в дом, нетерпеливо поигрывая часами. Бессонная ночь почти никак не сказалась на его внешнем виде, лишь появились темные круги под глазами. Рубашку отец надел свежую – в его кабинете уже давно хранились запасные комплекты одежды.

– Ты готова, Лилиана?

– Всегда готова, – фыркнула я и рукой указала на армию чемоданов, которые выстроились около лестницы. Уставший садовник, который все это стягивал вниз, уже отдыхал в кухне под присмотром Мариссы. Мама сидела на диване в холле и делала вид, что ее это не касается, хотя могла бы и помочь. По-видимому, все-таки обиделась. Очень интересно – обиделась на меня, а страдал садовник.

– Не понял, – отец нахмурился. – Я сказал собрать самое необходимое.

– Я многое даже не взяла!

– Очень зря, что взяла даже такое небольшое! Хорошо, выбирай один чемодан.

Я побледнела:

– Это невозможно. Я даже не знаю, что в них находится.

– Твои проблемы, Лилиана. Я предупреждал.

Я обернулась на маму.

– Видишь, что он творит? Сейчас ты тоже не собираешься вмешиваться?

– Собираюсь, – мама кивнула и грациозно встала с дивана. Ей решительно не хватало шлейфа. – Чиррас, берите крайний чемодан, который синенький, он выглядит легким, так что Ляля сможет сама его донести до омнибиля.

– Ты точно моя мать? – взвыла я. – Какой один чемодан?

– Решено, – отец облегченно выдохнул и направился к выходу. – Бери чемодан и поехали.

Я плюхнулась на тот самый синий чемодан и сложила руки на груди.

– И не подумаю! Вы понимаете, что попрали все мои права?! Да как ты можешь отец? Ты же поборник справедливости в нашей стране! Да я... да я...

– Если не поспешишь, даже этот чемодан не возьмем, – не оборачиваясь, буркнул отец, и, взвесив все за и против, я отправилась за ним к омнибилю, таща за собой багаж. Папа, правда, сжалился, и, как только я вышла на крыльцо, чемодан взлетел и самостоятельно улегся в омнибиль. Я и не подумала родителя благодарить. За что это? За то, что пытается от меня избавиться? Посмотрим еще, чья возьмет.

– Не хочешь спросить, как там Лиззи? – спросил отец, выруливая на дорогу. Я фыркнула и отвернулась.

– Подсчитывает, во сколько ей обойдутся вырванные патлы?

Насколько мне известно, Лиззи регулярно подсаживала в свою шевелюру чужие волосы, процедура безумно дорогая, но действенная.

– Я разговаривал с ней, она тебя простила, – отец не обратил никакого внимания на мою колкость. От его слов я чуть не взорвалась, с минуту сидела красная, открывая и закрывая рот, как рыба.

– Да что ты говоришь, – наконец смогла выдавить я. – Она меня простила?! За то, что кинулась драться перед толпой людей, за то, что устроила вечеринку в мой день рождения, за то, что приняла участие в том же конкурсе, что и я?!

Отец поморщился:

– Лилиана, почему ты думаешь, что мир вертится вокруг тебя? Считаешь, что никто не имеет права участвовать в тех же мероприятиях, что и ты? В твой день рождения никто не может веселиться, если ты не дала на это согласия? Да мне стыдно за тебя! И я рад, что хотя бы мой друг правильно воспитал свою дочь и она не держит на нас зла!

– Да ты же ничего не понимаешь! – взорвалась я. – Лиззи это все назло делает!

– Разве не ты пришла на праздник, на который тебя не приглашали и устроила там скандал?

– Я, но папа...

– Разве не ты разгромила ресторан? – прервал меня папа.

– Но ведь я не специально!

– Ты понимаешь, что Лиззи могла подать на тебя заявление? Мы обязаны оплатить убытки ресторану, ты понимаешь это?

Я стыдливо осеклась, ведь даже не подумала об убытках. А ресторан явно недешевый.

– Я понимаю, что сила твоя очень нестабильна и ты не можешь ею управлять. Но, чтобы не платить за моральный и физический ущерб еще половине города, ты должна чувствовать ответственность за свои поступки.

– Найми мне учителей!

– Пока ты была без сознания, твой уровень силы измеряли. Пять единиц, Лилиана. Пять единиц, и это очень много по сравнению с тем, что совсем недавно у тебя была единица! Учителя научат тебя владеть силой. Но чувству ответственности тебя никто научить не сможет. Вернее, это должны были сделать мы с мамой, но раз уж мы тебя разбаловали, то прибегаем к крайним мерам. Лилиана, пойми, это только для твоего блага.

Весь оставшийся путь мы молчали. Я угрюмо смотрела в боковое окно, пытаясь вспомнить, что положила в синий чемодан, а отец следил за дорогой. Спустя четверть часа мы приехали к ратуше, где мсье Тиррос провёл большую часть своей жизни. На рассвете здесь всегда было мало людей, да и прохожие в такое время суток предпочитали не по улицам гулять, а спать в своих постелях, но вот перед крыльцом ратуши почему-то столпилось довольно много людей.

– О богиня, – поморщился отец. – Откуда разнюхали только.

– Журналисты, – догадалась я. – Нас ждут?

– Разумеется. Дочь министра внутренних дел устроила погром в ресторане. Хорошо хоть, что им запрещено говорить о том, что ты травмировала Лиззи.

– Они могут сказать, что я травмировала кого-то другого, – я расстроено вздохнула.

– Нет уж, – теперь вздохнул отец. – Как ты себе предполагаешь формулировку в новостях: Лилиана Тиррос избивала одного из гостей Лизаветы Контас, но только не саму Лизавету Контас? Так мы их за клевету привлечем. Они скорее постараются сыграть на том, что ты злоупотребляешь алкоголем.

– Но это же вранье!

– Попробуй теперь докажи, – родитель сделал глубокий вдох, будто перед нырянием, и вышел из омнибиля. Мне пришлось последовать за ним. Чемодан мой вылетел из омнибиля и отправился в одно из распахнутых окон ратуши.

Завидев нас, журналисты оживились и бросились вперед, потрясая перед собой записывающими голос артефактами. Тут же нарисовались и операторы с моментоловами. Они пытались подпрыгнуть как можно выше и старались чуть ли мне не в лицо швырнуть свой аппарат.

– Министр Тиррос, как вы прокомментируете произошедшее на благотворительном ужине Лизаветы Контас?

– Означает ли поступок вашей дочери, что вы пытаетесь выступить против министра Контаса?

– Министр Контас домогался вашей дочери прямо на благотворительном ужине?

– Что за чушь, – не вытерпела я, и в этот момент мне в рот чуть не влетел один из артефактов. Отец схватил меня за руку и потянул сквозь толпу. С опозданием появилась охрана, принялась оттеснять журналистов, но они всячески пытались отбиться.

– Что значит ваш комментарий, Лилиана? Вы считаете чушью новый закон, который лоббирует ваш отец? – затараторил один очень ушлый журналист с такими большими ушами, что казалось, они шевелятся независимо от воли обладателя.

– Нет, – журналиста отодвинул его коллега. – Она считает чушью другой закон, который пытается продвинуть министр Контас.

Журналиги чуть не задохнулись от восторга и затараторили еще быстрее, так что я даже не могла разобрать предложений, лишь выхватывала отдельные слова, пока отец буксировал меня сквозь толпу.

– ... Ресторан... буянит... комментарии, комментарии... недра... отойдите все, сейчас я как скажу!

На этой оптимистичной ноте мы наконец ворвались в ратушу и захлопнули дверь, оставляя за ней почти размазанных охранников и буянящих журналистов. Выглядело это, честно скажу, как избивание малолетних. Сквозь стеклянную дверь мне было видно, как один из журналистов уже почти забрался на плечи оседающего под ним охранника и пытался проникнуть в ратушу. Хорошо, что двери ее открываются наружу, да и вообще заблокированы.

– Так какой закон ты там продвигаешь, папа? – отдышавшись, спросила я. Отец недовольно на меня взглянул и направился вверх по лестнице. Я мельком кивнула контролеру и поспешила вслед за родителем.

– Тебя же никогда не интересовала моя работа.

– Так и тебя раньше мои моментосессии не интересовали, – вздохнула я. – Все меняется. По-видимому, закон очень интересный, раз журналиги посчитали, что даже я в этом замешана.

Мимо нас вниз по лестнице пробежали несколько охранников. Судя по всему, журналисты никак не желали успокаиваться. Я страдальчески посмотрела вверх, пытаясь определить, сколько пролетов нам еще предстоит пройти.

– Лучше бы они решили, что ты выпиваешь, – отец потер пальцами переносицу. Как ни странно, он даже не запыхался, в то время как я уже начинала уставать. – Ну да ладно. Сейчас

идет подготовка к принятию нового закона о недрах, существует две редакции этого закона и, соответственно, две рабочие группы. Одну возглавляет Дром Контас...

– А вторую ты, – хмыкнула я. – И что, редакции настолько отличаются?

– Ты не можешь себе представить насколько. – По лестнице спускался мужчина в костюме, отец кивнул ему и продолжил рассказ только тогда, когда мы поднялись достаточно высоко, чтобы нас не слышали. – Наша группа готовит редакцию закона, по которому недра остаются имперской собственностью, вся работа с ними строго регламентирована, а все вопросы использования и распоряжения недрами находятся в ведении Совета пяти.

– Ну разумно, – я уже задыхалась, и голос мой звучал тихо. Говорить громче не было сил. Я опять посмотрела наверх: мы что, на башню собираемся забраться? – А Контас что хочет?

Отец хмыкнул:

– А группа Дрома пытается протолкнуть в закон лазейку, которая позволит частным лицам владеть месторождениями полезных ископаемых.

Я споткнулась и упала бы, если бы отец не подхватил меня за локоть.

– Но это же невозможно! То есть империя будет зависеть от кого-то, у кого есть определенные полезные ископаемые?

– От того, кто сможет их почувствовать, – отец в упор взглянул на меня, будто желая что-то донести взглядом. – Почувствовать на глубине, которая для обычных магов земли недостижима.

– А для кого достижима?

– Для кого-то очень необычного, – отец пожал плечами. – Но допустить даже в перспективе чье-то абсолютно единоличное влияние на экономику, империю и Совет – сущая глупость.

– Так если глупость, неужели эту редакцию закона кто-то поддержит?

– В кабинете министров треть участников – маги земли. Из них двое входят в Совет пяти. Вдруг они надеются, что их дети станут безумно сильными и почувствуют залежи, например, золота недалеко от ядра? Действия богов невозможно предусмотреть. Сейчас мы примем этот закон, а завтра боги решат кого-то наградить выдающимся даром, и, как назло, это будет дар земли. А что дальше? Дадим право собственности на чистый воздух?

Мы остановились у огромной двустворчатой двери. До башни, кстати, так и не добрались. Не успела я толкнуть дверь, как она распахнулась, и в коридор выглянул сухонький старичок, одетый в какой-то совершенно нелепый халат и туфли с загнутыми вверх носами.

– Ваннариус, ты ли это?

– Нет, Михаэль, это Чиррас. – Я удивленно взглянула на отца – давно не слышала в его голосе таких мягких нот. – Ваннариус на пенсии уже третий год.

– Да, точно, Чиррас, – старичок почесал лысую голову. – А это кто с тобой? Невеста? Ты же совсем недавно с другой приходил.

Моя челюсть отпала почти до пола.

– У Михаэля нет ощущения времени, – поспешил пояснить отец. – Это он про твою маму... э-э-э... мы приходили, наверное, когда только поженились.

– Кольца на девушке не было, – поспешил вставить старичок.

– Ну, значит, до свадьбы приходили, – рывкнул отец, из голоса которого мягкие ноты мигом исчезли. – Это моя дочь! Открывай двери ипусти нас.

Михаэль, совершенно не обратив внимания на гнев отца, перевел взгляд на меня и внимательно оглядел:

– Красивая девчушка, кого-то она мне напоминает.

Отец закатил глаза:

– Да жену мою и напоминает, мы отсюда в свадебное путешествие улетали. Давай скорее, спешить надо, я уже два совещания пропустил.

Старичок открыл двери пошире и скрылся в комнате, что-то недовольно бурча. Мы с отцом отправились следом. Отец – хмурясь, а я – с удовольствием осматриваясь.

Комната была круглой, с высокими, теряющимися где-то вверх потолками. Светлые стены обрамляли шторы разных цветов, но все нежных, приятных оттенков из разных тканей: шерсти, шелка, хлопка... Они появлялись, казалось, из воздуха, стелились по полу, но концов ни одной из них я не видела. У дальней стены располагался полукруглый стол черного дерева, прямо за ним – одностворчатый шкаф. Вот и вся обстановка.

– И где портал? – я хмыкнула, храбрясь.

– Всему свое время, – раздался голос Михаэля за нашими спинами.

Я резко обернулась, а старичок, улыбаясь, закрыл дверь. Выглядело это жутковато, и я поежилась:

– Когда был осенний бал у императора, мы пользовались порталом, помнишь? – Отец кивнул. – Но он сразу был, я помню – светящаяся рамка в комнате.

– Это был маленький портал, – мсье Тиррос пожал плечами. – Его создали специально для перемещения гостей на бал. Такой портал работает в пределах десятка километров. Академия находится далеко, и нужен портал стационарный, таких в империи совсем немного, и один из них прямо перед тобой. Вообще-то, все студенты добирались до академии своим ходом, и только ты – министерским порталом. Не переживай, я предупредил ректора, тебя встретят.

– Министры не могут инициировать создание новых порталов? – фыркнула я. – Некогда или большие затраты бюджета?

– Слишком много сил на это тратится, – отец опять не обратил внимания на мой выпад. – И при этом управлять порталом должны сразу четыре сильных мага или один, но тот, который обладает всеми стихиями. Нет смысла создавать порталы, если ими некому управлять.

– В одном человеке сразу четыре стихии? – кисло уточнила я. Настроение стало еще хуже, хотя, казалось бы, куда хуже. Но как так получается, что у кого-то никаких способностей к магии (даже не знаю, брать теперь себя в расчет или нет), а у кого-то сразу четыре. – Михаэль, прошу прощения, вы всемогущий, что ли?

– Если бы. Сил-то у меня немного, просто сразу все виды. Но, конечно, на порталы хватает, да и на много чего другого интересного. Показать?

– Михаэль, отправляй скорее, мне некогда! – отец чуть не взорвался.

– И так уже задержался, – съязвил старичок. – Все спешите вы куда-то, молодые, и все мимо. Вон некоторые министры ходят и ходят ко мне. И поболтать не прочь.

– Работы нет, вот и ходят, – едва слышно буркнул отец, а я хихикнула.

Михаэль с подозрением на меня уставился:

– Вы вместе отправитесь?

– Нет.

– Значит, точно дочка. Кто ж невесту одну отправляет непонятно куда. А куда полетит, кстати?

– В Академию власти.

Михаэль с удивлением уставился на отца:

– В гости? Или учиться?

– Учиться. Давай быстрее, говорю тебе, опаздываю.

– Без вещей совсем? – Михаэль совершенно не обращал внимания на нетерпение отца. – Совсем министрам платить перестали, что ли? Или дочка не родная? Как беженку, в одном платье.

Я с восторгом услышала, как отец зарычал, и в комнату, задев шторы, влетел мой чемодан.

– Багаж тоже здесь. Все?! Вопросов больше нет?

– А сумочка? – совершенно искренне удивился Михаэль.

– Вот видишь, папа? Не я одна считаю, что путешествовать налегке – дурной тон, – расхохоталась я.

– Отправляй! – рявкнул отец. Мыслями он, скорее всего, уже был в рабочем кабинете и разбирал бумаги. Своего родителя я знаю очень хорошо, и он уже давно не в состоянии так много времени уделять родной дочери.

– Пока, папочка, – я закусила губу, чтобы показать, насколько расстроена, и взялась за ручку чемодана. Прикинула – достаточно тяжелый. Надеюсь, туда влезло очень много вещей, не весь гардероб, но хотя бы что-то.

– Удачи, Лилиана. Веди себя хорошо.

– Я скоро вернусь, – не смогла я сдержать широкой улыбки. – Не думай, что мы прощаемся надолго.

Отец нахмурился:

– Лилиана, учти, я жду тебя только через год – на летние каникулы. Если ты не поступишь в академию – пеняй на себя.

– И что? Лишишь денег, заберешь все вещи? – я выразительно взглянула на свой чемодан. – Так ты уже это сделал.

Михаэль с интересом за нами наблюдал.

– О нет. – Отец широко улыбнулся, и стало понятно, что язва я все-таки не в двоюродную бабушку, как все говорили. – Без копейки денег, но со всем своим шмотьем ты просто переедешь к тетке Ангеле на перевоспитание.

Тетка Ангела была маминой троюродной сестрой, жила в какой-то беспросветной глуши и считала, что богатство достается от темного бога пороков. В молодости тетка хотела стать прислужницей богини жизни в храме, но богиня ее отвергла. Не знаю, как это происходит, то ли не зажегся живительный огонь, когда тетка взошла на помост, то ли вода не превратилась в молоко. Но тетка после того, как ее мечта не осуществилась, совсем съехала с катушек и повсюду искала пороки. Например, она могла отходить палкой того, кто, как ей казалось, одет чересчур вызывающе. На секундочку, вызывающе – это юбка чуть-чуть ниже колена.

– Я еще подумаю, что хуже, – буркнула я кисло. Ехать к тетке Ангеле не хотелось пока больше, чем жить в академии. – В академии, надеюсь, палками бить не будут?

– В мое время били, – влез в разговор Михаэль.

– Ты там учился, когда моих родителей еще на свете не было, – рявкнул отец. – Отправляй, я сказал.

Михаэль, по-видимому, понял, что больше на нервах министра играть не стоит:

– Ну, хорошо. Давай, девочка, перемещайся.

– В смысле? – я растерянно взглянула на отца, он поморщился, а старичок противно захихикал.

– Шучу. – Михаэль с усилием, будто его кто-то держал за локти, развел руки в стороны.

Сначала, едва заметно клубясь, словно пыль, у его рук появились разноцветные сполохи. Переливаясь всеми цветами радуги, они росли, образуя круглую рамку. Она горела, вспыхивала, словно огонь, и увеличивалась, застыв только тогда, когда верхний ее край достиг высоты моего роста. Ранее я видела уже готовый портал и за процессом его создания сейчас наблюдала с восторгом, хотя и заняло это не больше минуты.

– Готово!

Яркая рамка висела прямо в воздухе, и сквозь нее я отлично видела Михаэля, который стоял на другой стороне. Казалось, что я просто пройду через горящий обруч, никуда не попаду, кроме этой комнаты, и этим все мое приключение закончится: обстригу обожженные волосы и продолжу жить в свое удовольствие. Но вряд ли.

Мы попрощались с отцом, он крепко обнял меня и пожелал удачи. Просить прощения, как и вымаливать разрешение остаться, я не стала, хотя очень хотелось.

Ощущения от портала были смешанные. Крепко зажмурившись, я шагнула вперед, ощутила одновременно и жар, и холод, а также странное секундное головокружение и только потом мощный поток воздуха. Открыв глаза, я обнаружила, что оказалась на каменной площадке на вершине огромной башни.

Глава 3

По-видимому, это академия. Я стояла посреди смотровой площадки высокой башни, крайней в ряду колоссальных построек на километры вокруг. Башни виднелись разные: остроконечные, с пологими крышами, с площадками, как та, на которой стояла я, – и конца и края им не было видно. И все эти постройки окружены высоченными горами, на вершины которых были нанизаны облака. В своем летнем платье я сразу же замерзла, потому что ветра в этом месте дули безумно сильно, и непонятно, как меня еще не снесло с башни первым же порывом – на высоченных каблуках сильно шатало. Пришлось разуться, и туфли тут же улетели куда-то в сторону.

Я посмотрела по сторонам, надеясь, что сейчас откуда-то выскочит преподаватель, встречающий студентов, и проводит меня в тепло, но нет. Попробовала было закричать, но ветер мгновенно сносил звуки. Одно хорошо: ругательства мои никто не мог слышать, даже я сама.

Пришлось подхватить чемодан и на окоченевших ногах двинуться по площадке в поисках двери. Я обошла ее вдоль и поперек, но ничего не нашла. Такое ощущение, будто бы меня специально послали сюда умирать. Площадка была абсолютно пустой: ни двери, ни стула, ни какой-нибудь бочки, на которую можно сесть. Хоть бы гроб поставили, честное слово, чтобы я легла и умерла в нем сразу. Я нашла дверь вниз, но она была не просто заперта, а словно замурована: то ли Михаэль отправил меня не туда, то ли туда, но здесь очень хотят, чтобы незадачливая потенциальная студентка погибла.

Я подошла к краю площадки и с опаской взглянула вниз. Земли внизу даже не было видно, так что вариант с прыжком был отмечен сразу же. Открыла чемодан и заглянула в него в поисках теплых вещей, но как только открыла крышку, в воздух сразу же взлетели какие-то тряпки, и мне пришлось быстро закрывать чемодан снова.

Минут пять я предавалась ненависти к родителям, ко всей академии и к этой башне в частности. Ноги и руки мои коченели, а нос скоро готов был отвалиться. Я обхватила себя за плечи и прыгала на одном месте, как вдруг вспомнила, что вообще-то повелеваю воздухом. Простительно об этом забыть, все-таки всю жизнь моя сила была настолько слаба, что даже стыдно было признаваться в ее наличии, но зато сейчас, если верить моментографиям из ресторана, магия меня переполняла.

Я опять подошла к краю башни. Может быть, и правда сигануть вниз? Да вот только не факт, что меня внизу будут ловить, а надеяться на силу, которой один день... Как бы облегчить себе жизнь, не создавая угроз для этой самой жизни? Я вернулась к чемодану, и порыв ветра опять меня чуть не снес.

– Папа этот самый ветер точно бы утихомирил, – пробормотала я, не слыша собственных слов, и вдруг подскочила. Да ведь я сейчас ничем не отличаюсь от отца, нужно только попробовать. Я сосредоточилась и опять постаралась высвободить силу.

Сосредоточение помогало мало: ветер бил в лицо с такой силой, что я начала подозревать, что он разумный, а я ему что-то сделала. Время не засекала, но довольно долго пришлось постоять, качаясь на ветру с глубокомысленным видом. И уже когда я совсем отчаялась, да и руки на ветру отнялись совсем, как могущественный поток выплеснулся из меня с такой силой, что я отлетела на самый край башни. Оказывается, даже без прыжка вниз можно пострадать. Пришлось постараться еще – механизм высвобождения силы был мною понят, теперь нужно просто отработать. Так решила я и опять сосредоточилась, но выброс опять получился настолько сильным, что меня отбросило в сторону. К сожалению, от края башни я вовремя не отошла, а потому улетела прямо вниз, к ее подножию.

Никогда не считала себя смелой, а в полете и вовсе чуть не обмочила платье. Летела, верещала, пугалась оттого, что не слышу собственного голоса, и снова верещала. Мне казалось,

что полет длится вечно, но наконец внизу, за пеленой тумана, стало видно землю и стоящих на ней людей. Только тогда я вспомнила, что во мне куча магии и я могу распоряжаться ею по своему усмотрению.

Я напряглась, сила высвободилась, но опять как-то не так, и мне удалось лишь замедлить собственное падение. Превратиться в лепешку, да еще и на глазах толпы людей – удовольствие так себе, поэтому пришлось попытаться сделать фокус еще раз. К сожалению, никакой воздушной подушки не возникло, хотя она задумывалась. Лишь на секунду я зависла в воздухе и продолжила свое падение, но благо выровнялась таким образом, что летела ногами вниз – уже прогресс. Пришлось придерживать руками платье, чтобы мое нижнее белье не рассмотрела вся академия. Вот так я и летела: то зависая, то опять падая, да еще и прижимая платье к ногам. На землю приземлилась на собственные колени, разбив их в кровь и возненавидев весь мир разом. Ко мне тут же бросились люди – трое мужчин, одетых в длинные нелепые мантии.

– Приветствуем тебя, Лилиана Тиррос.

– Привет, – я поморщилась от боли и с трудом сдержала слезы. – Только не говорите, что вы меня ждали.

– Мы и в самом деле ждали тебя, – заявил один из подскочивших мужчин. – Ты позже всех явилась на испытание, все абитуриенты уже прошли распределение.

Я поднялась на ноги и как могла высокомернее взглянула на мужчину. Внизу, по сравнению с вершиной башни, было очень даже тепло.

– А... вы кто?

– Главный методист академии Брон Кричер, – улыбнулся мужчина. Повернулся к своим спутникам и принялся их представлять: – Декан факультета целителей Виктор Заррис и староста отделения воздуховиков Аагард Ларсон.

Я постаралась мысленно воспроизвести озвученные имена, но не смогла – слишком перенервничала, слишком больно ударилась. Мне хотелось лечь в кровать, свернуться калачиком и поплакать.

– Так вы целитель? – я обратилась к невысокому шуплому мужчине в узких темных очках. Именно его главный методист назвал деканом. – Я очень больно ударилась, вылечите, пожалуйста.

Но целитель ответить мне не успел, так как в разговор влез высокий парень, по-видимому староста.

– Впервые вижу, чтобы боевик жаловался на боль.

Так как в голосе парня совершенно отчетливо слышалась издевка, я не сочла лишним обернуться и смерить возникающего уничижительным взглядом. Староста, кстати, был довольно симпатичным: выше меня почти на голову, стройный, но не шуплый. Хотя, может быть, объемы добавляла эта дурацкая мантия... Нос длинный, узкий, зато губы четко очерченные, пухлые, а глаза зеленые, как трава. Впечатление испортила прическа – блондин, а волосок к волоску, как видно, не один час укладывался. Я вспомнила, как выгляжу – растрепанная, в помятом платье, с разбитыми коленями, и разозлилась.

– Напомните, кто вы?

– Староста отделения воздуховиков Аагард Ларсон.

– Не очень разобралась в вашей иерархии, надеюсь, что это очень почетно, раз вы статус обозначаете перед своим именем. Так вот, Аагард, не понимаю, с чего вы взяли, что я боевик. Предоставьте мне, пожалуйста, весь список факультетов, я ознакомлюсь с ним и выберу, куда хочу поступить.

– Однако... – протянул целитель.

– Да, наверху мой чемодан, отправьте за ним кого-нибудь. И вообще, пересмотрите ваше отношение к студентам, – я задыхалась от гнева. – Я замерзала на башне битый час! Отец говорил, что мне предстоит какое-то испытание, так позвольте спросить, как я буду его проходить,

если замерзла, упала с башни и разбила колени?! Учтите, если не пройду испытание (а я его не пройду теперь точно), сами будете оправдываться перед моим отцом! А он, на секундочку, министр!..

Аагард запрокинул голову и расхохотался. Я осеклась на полуслове и уставилась на старосту, зло сощурившись.

– Студентка Тиррос, – неожиданно рявкнул целитель, внешний вид которого вообще не предвещал такой мощи в голосе. – Прекратите словоизлияние! Вы уже прошли испытание.

– Не может быть, – я почувствовала, как внутри меня все оборвалось. – Когда?

– Когда спрыгнули вниз с башни и приземлились, почти не пострадав.

– Вот же ж... – я покусала губы, задумавшись. – А как можно было его не пройти?

Мужчины переглянулись.

– Разбиться о землю, – начал перечисление методист. – Замерзнуть на крыше, улететь под порывом ветра – с миниатюрными девушками часто такое бывает...

Я смотрела на Брона, широко открыв рот:

– А выжить в вашей академии вообще реально?

Главный методист равнодушно пожал плечами:

– Выпускники есть каждый год, так что реально.

– Хорошо, – я потерла глаза руками. Уровень адреналина в крови падал, и я начала чувствовать усталость от всего произошедшего. Да и бессонная ночь давала о себе знать. – Давайте обсудим, на какой факультет я буду поступать, или этот вопрос не к вам? Я знаю, что у вас есть знатоки, боевики, и теперь еще узнала о целителях. Это все?

– Еще есть создатели, – Аагард с трудом сдерживал улыбку. Я предпочитала не обращать внимания на этого наглеца.

– Не понимаю, кто это, да и неважно. Скажите, где меньше всего нужно напрягаться? Раз уж я поступила, придется хоть немного у вас задержаться. Иначе отец не поверит, что я вылетела не по своей воле.

– Виктор, – Брон обернулся к целителю. – Может, она все-таки ударилась головой? Проверь.

– Да нет, – декан пожал плечами. – По-моему, это врожденное.

– Студентка Тиррос, – главный методист стал произносить слова медленно, как будто разговаривал со слабоумной. – Вы не выбираете факультет, вас зачисляют в зависимости от способа прохождения испытания. Прыгают с башни боевики. Только в них достаточно силы духа, смелости и безрассудства. Воздвигают вокруг себя воздушные стены создатели. У них внутри есть силы противостоять своей же стихии. Знатоки изменяют движение ветра, в них есть та эмоциональная элегантность, которая позволяет увидеть все потоки и обратить их себе на пользу.

– А целители?

Декан улыбнулся:

– Целители иногда действуют так, как обычный человек никогда бы и не поступил. Был студент, который собрал вокруг себя всех мошек, муравьев и грел их. А остальные этих мошек и не замечали вовсе... Был студент, рядом с которым замертво упала ворона. И, вместо того чтобы защищать себя от ветра, он принялся лечить ворону. Вредная птица потом позвала всех своих сородичей, и когда мы поднялись на башню, на ней был птичий лазарет с полузамерзшим лекарем. В основном же целители лечат себя до того момента, пока их не найдут.

– Да уж, – задумчиво пробормотала я. Все-таки отец не изменял движение ветра вокруг башни, он прыгнул вниз. Как раз изменением структуры ветра занималась моя мать – да, на нее это похоже. А вот если бы я случайно не упала, испытание бы и не прошла... Да уж, вроде бы и грустно, а с другой стороны, зная, каким образом сюда не поступают, радует. – Так я теперь боевик?

– Ага, – главный методист обрадовался, что я все-таки его поняла. – Лилиана Тиррос, поздравляю вас с зачислением на первый курс факультета боевиков, отделение воздуха. Завтра у вас первый учебный день, а пока пройдите в здание, там вас встретит заведующий хозяйством и выделит комнату. Аагард, проводи, пожалуйста.

Декан целителей и главный методист скомкано попрощались со мной и удалились. Аагард же остался.

– Я надеюсь, экскурсия тебе не нужна? – староста приподнял брови. – Нет, разумеется, если ты желаешь...

Я тяжело вздохнула и подняла ногу, демонстрируя Аагарду свое «боевое» ранение.

– Я так понимаю, боевикам у вас повреждения не лечат?

– Такие – нет, – отрезал староста.

– Тогда экскурсия не нужна, буду зализывать раны. Покажи, где тут у вас вход.

Аагард пожал плечами и двинулся по дорожке. Я пошла за ним. Площадка, на которой мы общались, была совершенно лысой. Такое ощущение, что я оказалась на каком-то плацдарме. Мы обошли очередную башню стороной, повернули вправо и оказались в чудесном парке с дорожками, фигурными оградами и великолепными деревьями. Такая атмосфера мне нравилась больше каменного плацдарма.

Не говоря ни слова, Аагард проводил меня к большим деревянным дверям в глухой каменной стене, остановился и пояснил:

– В холле должен ждать завхоз, его ни с кем не перепутаешь. Так что дальше сама.

– Подожди, – опять разозлилась я. – Мой чемодан по-прежнему на вершине башни. Кто его доставать-то будет?!

– Явно не я, – Аагард равнодушно смотрел на меня сверху вниз. – Придется тебе самой как-то решать эту проблему.

– Но я не могу владеть магией... настолько!

– Значит, придется ножками. Полкилометра по лестнице вверх, полкилометра вниз – заодно похудеешь.

– Хамлю!

– Не забывай о том, что обратно придется идти с чемоданом, – расхохотался Аагард и ушел.

Я со злостью попинала стену, ушибла босую ногу и только потом вошла в здание.

Завхоза действительно узнала с первого взгляда. Совершенно замученный дядечка, с длинными усами, в жилетке со множеством карманов и с толстой папкой под мышкой. Познакомиться со мной он был совершенно не рад, но сунул мне в руки плотную бумажку и сказал, что это карта. Затем внимательно меня осмотрел и щелкнул пальцами – прямо из каменных плит на полу выполз длинный зеленый стебель, на котором висел здоровенный сверток, по-видимому, с одеждой.

– Ношение формы обязательно, – скрипучим голосом поведal мне завхоз и напоследок вручил огромный ключ, который растворился в воздухе сразу же, как коснулся моей кожи.

– От комнаты, – пояснил завхоз в ответ на мой недоумевающий взгляд. – Носить ключ не придется, он с вами теперь до конца обучения.

«Недолгого, надеюсь», – подумала я, а завхоз продолжил:

– Завтра в семь тридцать вам нужно стоять здесь, в холле. Ваши группы познакомятся с куратором и отправятся на первое занятие.

– А зарядку делать не будем? – скривилась я. – Прямо упущение какое-то, уверяю, вашей конторе жизненно необходимы групповые занятия.

Завхоз загадочно улыбнулся:

– Уверяю вас, студентка Тиррос, как боевик, вы будете приятно удивлены не только утренними, но и ночными тренировками.

Вот же ж... я с трудом сдержала ругательство. Тренировок мне еще не хватало.

Уже прощаясь с завхозом, я вдруг вспомнила:

– Ой, вы знаете, мой чемодан остался наверху башни. И Брон Кричер сказал, что я могу обратиться к вам за помощью.

Завхоз взглянул на меня все понимающими умными глазками. Я почувствовала себя неудобно: моя хитрость, безусловно, была сразу разгадана.

– Разумеется, я вам помогу, студентка. Лестница на башню, с которой вы прыгнули, находится во-о-он в том коридоре, – завхоз указал куда-то влево.

– Я очень устала, – слезу даже выжимать не пришлось, это получилось непроизвольно.

Завхоз выразительно вздохнул и закатил глаза:

– Дамочка, я сегодня заселил почти сотню новых студентов и разрешил споры уже живущих в академии. При этом один раз деграданты с третьего курса даже разнесли половину жилого этажа. А один умник-первокурсник заставил меня провести экскурсию по всем комнатам академии. Уверяю, их очень много. Вы же просто посидели минут сорок на крыше и потом прыгнули вниз. Как думаете, кто из нас больше устал?

– Не больно-то и хотелось, – пробурчала я и отправилась в башню. Достигнув вершины, убедилась в том, что попала совсем не на тот факультет, что мне предназначался. Уже на половине пути вверх хотелось умереть: болел бок, не хватало дыхания, ноги отваливались. Очень хотелось плакать, но я отлично понимала, что на обратном пути могу кого-нибудь встретить, а проявлять слабость – это глупо.

После того как чемодан я все-таки нашла и вернулась к подножию башни, мне еще предстоял квест под названием «найди свою комнату». Академия была похожа на лабиринт, созданный специально для того, чтобы в нем терялись лишние студенты. Коридоры, коридоры, коридоры, плавно (а иногда и неплавно) переходящие в лестницы. Несметное количество дверей, за которыми прятались непонятные комнаты, лаборатории, а иногда и глухие стены. Повсюду холодный камень разных видов: мрамор, гранит, фельзит... Коридоры кишели суесящимися студентами. На меня все посматривали с удивлением, слышались смешки. Я шла лохматая, в помятом платье, с разбитыми коленями и босая, волоча за собой вконец испорченный чемодан, но не забывала гордо задирать подбородок. Подумаешь, плохо выгляжу. Подумаешь, совершенно не хочу здесь учиться. На все плевать – я здесь ненадолго.

По этажам я поблуждала, став посмешищем для большего количества студентов, чем планировала, но наконец достигла своей комнаты. Нельзя сказать, что я ожидала поселиться в хоромы, обставленных по последнему веянию моды, но то, что я увидела, распахнув вожделенную дверь... Разочарование было таким сильным, что я грохнула чемодан о пол и пнула его ногой.

Девушка, сидевшая на кровати, вздрогнула. Да-да, в одиночестве мне, по-видимому, остаться не получится. В маленькой комнатке не больше десяти квадратных метров стояли две кровати, письменный стол и шкаф. Даже места для стула не хватило.

Я обвела комнату зверским взглядом и показала пальцем на дверь напротив:

– Ванная?

Девушка испуганно закивала. Не меняя выражения лица, я распахнула дверь в ванную и облегченно выдохнула: и унитаз есть, и чан для купания. Не придется хотя бы в очереди утром стоять. Не сказать, что идеальная чистота, но я даже готова к уборке.

Я вернулась в комнату и постаралась улыбнуться. Наверное, получилось плохо, так как на лице девушки читался заметный испуг.

– Привет, я Лилиана. Лучше называй меня Лялей, я так привыкла.

– Э-э-э, я Талисса. Можно Тала или Лисса, мне все равно.

– Хорошо, ты уже разобрала вещи?

– Да, конечно, я приехала еще вчера. Но я мало с собой брала, родители сказали, что в академии все ходят в мантиях...

– Чушь. – Я заметила, что Лисса эту самую мантию уже натянула, и то, что я видела перед собой, мне не нравилось. Мантия была темно-серого цвета, из какой-то шерстяной ткани, длинная и совершенно бесформенная. Возможно, моей новой знакомой дали не тот размер, но что-то мне подсказывало, что размеров у этой тряпки даже не существовало. – Я это носить не собираюсь.

Лисса смотрела на меня, широко раскрыв глаза:

– Как это?

– Да вот так, – фыркнула я. – Просто не буду надевать это на себя, как они меня заставят?

– Кто они? – смутилась девушка и принялась теревать рукав мантии. – Преподаватели?

– Ну они, – я неопределенно поводила пальцем в воздухе. – Меня сегодня встречали трое, и двое из них не преподаватели. Так что считай мое мнение протестом против всех.

Лисса хихикнула и тут же осеклась. Было заметно, что девушка не знает, как себя вести с незнакомыми людьми.

– На какой ты факультет попала? – Я решила, что сначала разберу вещи, пойму, что попало именно в этот чемодан, а потом уже приведу себя в порядок. Средства для тела и волос мне, конечно, нужны, но будет очень обидно, если я взяла чемодан как раз с ними. Потому я вознесла немую молитву богам и только потом подтянула свой багаж к шкафу и открыла его. От удивления я даже не сразу поняла, что говорит мне Лисса.

– Что, прости?

– Я знаток, отделение воды, – гордо повторила Лисса. – А ты?

– Боевик, – вздохнула я. – Отделение воздуха.

– А почему ты так удивилась, когда чемодан открыла?

Я хитро улыбнулась:

– Потому что моя мама – знаток, и она меня все-таки любит.

В чемодане было аккуратно уложено все самое нужное: нижнее белье, пара платьев, косметика, теплые вещи, спортивный костюм и все необходимые гигиенические и парфюмерные принадлежности. Так как я в гневе и подумать не могла о том, чтобы собирать самое нужное, да еще и аккуратно это складывать, было понятно, кто обо мне позаботился.

– У тебя были сомнения? – Свою новую знакомую шокировать мне предстояло еще не раз.

Я счастливо засмеялась:

– Нет, конечно же, нет.

Когда я разобрала вещи и разложила их на пустые полки в шкафу, пришло время принять ванну. Я взяла все свои баночки-скляночки (в непривычно усеченном варианте) и направилась было в соседнюю комнату наслаждаться, как вдруг услышала:

– Вода только холодная...

Глава 4

Приятного впечатления от купания я не получила, хотя Лисса владеет силой воды и вполне смогла немного ее подогреть. Но соседке пришлось при этом сидеть со мной в ванной, потому что, как только она отходила от чана, вода мгновенно остывала. Какое в таких условиях удовольствие? Грязь отмыла, и то ладно.

На ужин я не пошла – сразу после водных процедур легла спать.

Утром меня разбудил громкий голос Лиссы:

– Ляля! Скорее вставай, иначе ты пропустишь завтрак.

Я с трудом оторвала голову от подушки. Все тело ломило, в горле саднило, по-видимому, вчерашняя прогулка на площадке башни не прошла даром.

– Скажи, пусть принесут завтрак в постель.

Немая сцена. Я приоткрыла один глаз и взглянула на опешившую соседку.

– Думаешь, такой услуги не предусмотрено?

– Сомневаюсь, – честно ответила Лисса. – Мне столовая понравилась, но на раздаче там очень своеобразная тетечка. Если она тебе и принесет еду, то только для того, чтобы вывалить на постель или затолкать прямо в горло.

– Принято. – Я села на кровати, попыталась потянуться и ойкнула. – Знаешь что, наверное, сегодня мне придется остаться без завтрака. Иди одна.

Лисса уже считала меня странной, так что не перечила, а молча убежала. Когда она открыла дверь, в комнату ворвался шум учебного заведения, полного голодных студентов. Я досадливо поморщилась.

Утренний туалет закончила достаточно быстро: холодная вода, оказывается, неплохо бодрит и снимает усталость с напряженных мышц. В одном полотенце пробежала по холодным плиткам к шкафу и недовольно уставилась на висящую мантию. Еще вчера, когда я разбирала сверток, она показалась мне безобразной. Сейчас же первое впечатление только усугубилось.

– Бред какой-то, а не одежда, – фыркнула я. Носить такой ужас на себе просто высшей степени безумие. Поэтому я достала одно из платьев, что мне уложила мама, и надела на себя – оно очень удачно прикрывало разбитые колени. Косметика пришлась как нельзя кстати: я едва подчеркнула глаза и красной помадой наредила губы. Нельзя сказать, что это был мой обычный вариант макияжа, но сейчас мне хотелось выглядеть серьезно и вместе с тем сексуально. Как знать, может быть, моя судьба ждет меня прямо за порогом. Познакомились же в академии мои родители, так что мешает мне встретить мужчину всей жизни, потом сбежать отсюда и развивать отношения уже на воле?

Я уже завивала волосы, когда в комнату вернулась Лисса.

– Ляля, ну сколько можно! Ты же еще не готова!

– Так еще рано, – я бросила взгляд на часы. – До занятий еще полчаса.

– Но нам же надо собраться в холле!

– Ох, Лисса. Уверяю, все эти собрания нужны для придания значимости событию, мой отец постоянно так делает. Если мы немножечко задержимся, никто даже не заметит. Вольемся в толпу в середине приветственной речи, и все.

– Не знаю, – Лисса заметно волновалась. – Давай лучше пойдем со всеми.

– Ну, хорошо. Уговорила. – Я перебрала волосы за спину и заколола ту часть, что не успела завить. Прическа получилась асимметричная, но казалось, что так и было задумано. – Только в благодарность за то, что вчера ты нагрела мне воды. Пойдем.

– Но ты же не одета.

Я удивленно посмотрела на себя:

– Одета.

– Я хотела сказать, что не так, как положено.

– Ох, Лисса, – я обогнула соседку и открыла дверь в коридор. – Вся эта уравниловка не для меня. Я всегда одевалась так, как велит сердце, и эта академия не заставит меня изменить свои предпочтения.

– Ляля, – Лисса постаралась говорить мягче. – Нас предупреждали, что в академии положено носить мантию. Тебя же будут ругать.

– Пусть ругают, – я двинулась по полупустому коридору, редкие студенты спешили мимо. По-видимому, все уже собирались вниз. – Уверена, что по части внушений они уступают моим родителям.

Настроение у меня было гораздо лучше, чем вчера, потому на коридоры академии я посматривала благосклоннее. С интересом рассматривала гобелены, висевшие на стенах, с удовольствием отмечала фигурное оформление окон и дверей и, бывало, задерживалась возле интересных картин. Лисса чуть не плакала.

– Ты специально? – наконец догадалась соседка. – Ты хочешь, чтобы на тебя обратили внимание?

– Я хочу, чтобы меня отсюда вышвырнули, – хмыкнула я.

– Как это? – Лисса даже остановилась, забыв о том, что сама спешила попасть в холл. – Но почему?

– Отец озвучил требование поступить в академию, – я равнодушно пожала плечами. – Я в нее поступила – моя миссия исполнена.

– Как можно не хотеть учиться в академии? Это же такой шанс, да перед нами все дороги будут открыты...

– Они всегда передо мной были открыты, – скривилась я. – Особенно бесит, что дороги академии сейчас открыты сильнее, чем остальные. Не хочу здесь жить и учиться. Я это место возненавидела только по названию, а провести здесь шесть лет вообще выше моих сил.

Я так разозлилась, что незаметно для себя ускорила шаг. Размахивая руками, печатая широкие шаги, завернула за угол и оказалась в холле. Посреди необъятного зала нависал помост, который кружился таким образом, чтобы была возможность заглянуть в глаза всем студентам. На помосте расположилось несколько людей, одетых в мантии. Следует сказать, что как раз их мантии выглядели неплохо: сидели по фигуре да и цветом отличались. Ну, судя по всему, на помосте выстроили цвет этой дурацкой академии – преподавателей. Высокий мужчина в черной мантии и со светлыми растрепанными волосами что-то вещал, а все студенты, задрав головы вверх, ему внимали.

Мне впервые за последние пару дней повезло: когда я ворвалась в зал, помост как раз был развернут в мою сторону, и так вышло, что с блондином мы встретились взглядами. Мужчина был молодой, с твердой линией подбородка и прямым длинным носом. Вот взгляд у него, если честно, был жутковатым: прозрачные холодные глаза ощущения теплоты не рождали, а вежливое отстраненное выражение лица давало понять, что передо мной самый высокомерный обитатель этого зверинца. Как раз подходит для моих целей.

Мужчина как раз набирал воздух в легкие, чтобы что-то сказать, думаю, что-то жизнеутверждающее, в духе «мантии снимать нельзя», но, увидев меня, поперхнулся воздухом. Я затормозила и постаралась взглянуть на мужчину как можно увереннее. Надеюсь, это кто-то близкий к ректорату и получится возмутить его максимально сильно.

– Продолжайте, продолжайте, – я приветливо кивнула и даже улыбнулась. – Не буду просить повторить речь еще раз, думаю, она была восхитительна. Я потом уточню у других студентов.

На лицо мужчины даже тень не легла, но я как-то сразу поняла, что он злится: в прозрачных глазах словно бы собирался гнев, и чувствовалось, что стоящий передо мной оратор к таким выпадам не привык и привыкать не собирается. Судя по тому, что окружающие меня

студенты синхронно сделали шаг в сторону, возможную кару почувствовала не я одна. Стоило бы посмотреть, так ли хорошо умеют себя держать в руках другие люди, собравшиеся на помощь, но отвести взгляд от лица своего возможного убийцы я побоялась.

В холле царил тишина, студенты, по-моему, даже не дышали, ожидая, чем же все закончится. Из-за такой реакции я даже немного пожалела, что так круто начала, может, меня и за меньшее бы выгнали.

– Это кто? – прошипел блондин. Все, кто стоял на помосте, как один, сделали шаг вперед, будто меня не было видно.

– Лилиана Тиррос, – так как все молчали, я решила, что невежливым будет не представиться.

Мужчина скривился:

– Брон!

Я с интересом взглянула на главного методиста, который выглядел таким несчастным, что его хотелось пожалеть.

– Боевик, воздушное отделение, первый курс.

– Ах, боеви-и-ик, – мужчина улыбнулся так сладко, что у меня свело зубы. – А боевику форму выдали?

– А как же, – с готовностью закивала я. – Все как положено – для студентов все включено.

– И где же она в таком случае?

– Болтается в шкафу.

– А почему не на вас, Лилиана Тиррос?

Я недовольно завозилась, не понимая, почему со мной еще разговаривают, вместо того чтобы отправить собираться домой.

– Именно потому, что болтается, совсем не мой стиль.

– А опоздали почему?

Я пожала плечами и широко улыбнулась, демонстрируя всем своим видом, что причины нет.

– А позади вас кто?

Проклятье, совсем забыла про Лиссу, которая тщетно пыталась спрятаться за моим совсем не большим телом.

– Простите, как к вам можно обращаться? – я поздновато, но решила все-таки выстроить какое-то подобие нормального общения.

– Если бы вы пришли раньше, боевик, вы бы это узнали, – отрезал мужчина и слегка повернул голову к преподавателям. Не то чтобы отдавал приказ, но всем было понятно, что просьба своего адресата найдет. – Привязать к девушке форму на полгода, чтобы не было соблазна переодеться. За то, что опоздала, – месяц на полигоне. За то, что не умеет себя вести, – два месяца на полигоне. Для подруги – неделя работы на кухне.

Студенты испуганно ахнули. Наверное, наказание и впрямь было суровым, но расстроилась я из-за того, что самого главного-то как раз и не прозвучало. Да еще и Лиссу подставила...

– Пожалуйста, Лисса из-за меня опоздала, ее не наказывайте, – хмуро попросила я.

Студенты с интересом повернули головы на блондина.

– Еще один месяц отработки на полигоне за то, что подставила подругу, наказание же для нее неизменно. Закончили с этим.

Платформа круто развернулась, и мужчина продолжил свою речь, которую я столь бессовестно прервала своим появлением. Каждый из студентов счел своим долгом вытянуть голову и взглянуть на меня с высоты своего положения. Я слышала, как все вокруг тихо шушукаются, стараясь не навлечь на себя гнев строгого преподавателя.

– Прости, Лисса, – мне действительно было стыдно, что я подставила соседку. – Я, правда, не со зла.

Девушка фыркнула и поморщилась, едва сдерживая слезы:

– Пока я не готова об этом говорить. Но давай ты больше не будешь втягивать меня в свои разборки с академией?

– Да, теперь уже не буду.

Лисса отвернулась, не желая со мной разговаривать, а я стояла, задрав подбородок вверх, и делала вид, что совсем не стыжусь произошедшего. В конце концов, а чего я ожидала от своей выходки? Ну, если честно, ожидала отчисления, потому и нарывалась. Противный преподаватель решил меня повоспитывать? Ну что ж, пусть попробует.

После блондина с пустыми глазами вперед вышел мужчина с таким большим животом, что он, казалось, шевелился при каждом движении помоста. Я совсем не удивилась, когда он представился проректором водного отделения. У меня вообще складывалось впечатление, что мужчина весь состоит из воды, даже имя его напоминало капли – Капел Куппель.

Следом вышла женщина с длинными черными волосами и настолько жгучими глазами, что я даже не удивилась тому, что она является проректором огненного отделения. Женщина просто притягивала к себе взгляды, я заметила, что все присутствующие мужчины вмиг подтянулись и даже как будто сделались выше ростом. Мантия ее была темно-бордового цвета, идеально подходила по фигуре – такая одежда отторжения не вызывала, и в шкаф ее никто не повесил бы. Я скрипнула зубами, когда подумала о том, что можно было обратиться к дизайнеру, который смог бы подогнать этот серый ужас по моей фигуре и сделать мантию произведением искусства. Но вот возможности такой уже нет, лишив денег, отец полностью уравнил меня со всеми в правах. Предприимчивую женщину, к слову, звали Агелина Райан. Она произнесла несколько жизнеутверждающих слов и выразила надежду, что уж в этом году студенты ее отделения смогут держать свои чувства в узде и не спялят половину академии. Слова своего руководителя огневики встретили смешками, а я решила, что надо будет узнать об этой удивительной истории поподробнее.

В конце приветственной речи прозвучал гимн академии, и нам наконец объявили, что мы можем расходиться на занятия. Я так и не узнала, как выглядят проректоры земного и воздушного отделений, и от души понадеялась, что злобный блондин хотя бы не является ректором. Иначе такого будет очень тяжело развести на отчисление. Скорее он меня на инфаркт разведет.

– Ты идешь? – Лисса тронула меня за локоть.

Я виновато взглянула на нее, но соседка не отвернулась, надеюсь, обижаться перестала.

– Куда идти-то?

Мимо сновали студенты: некоторые сбивались стайками, другие спешили куда-то в одиночку. Лисса показала мне на дальний коридор, у которого собирались четыре разрозненные группы.

– Там собирают первокурсников, идем.

Я с неудовольствием обнаружила, что первокурсников-воздуховиков собирает мой знакомый – заносчивый Аагард Ларсон. При виде меня его брови взлетели на переносицу.

– А я-то думаю, кто это такой борзый, – хмыкнул парень. – Жаль, стоял далеко, не было возможности лицеизреть. Но стоило догадаться.

Я поежилась, словно от холода, и поморщилась. Остальные первокурсники с интересом меня рассматривали.

– Безумно рада, что повеселила.

Чтобы избавиться от назойливых взглядов, я повернулась, ища глазами Лиссу. Бесплезно – водники на меня чуть ли не показывали пальцем. Отделаться от лишнего внимания пока возможности не было.

– О чем ты говоришь, – хмыкнул Аагард. – Только что была разминка, настоящее веселье будет потом.

– Не понимаю, – я нахмурилась. – Когда я буду валяться на полигоне?

Аагард загадочно улыбнулся и отвернулся от меня к остальным первокурсникам:

– Все собрались? Опоздавшим придется блуждать по коридорам академии до следующей перемены. Все за мной, малыши.

Малыши! Мне показалось или староста хитро взглянул на меня, будто бы предлагал возразить? Не дождется.

– Идем-идем, папочка, – съязвила я.

Мы и правда, как детки в гимназии за своим учителем, пошли следом за ним. Аагард двигался легко и скоро, кивал некоторым студентам, спешащим навстречу, изредка здоровался с кем-то за руку. Он был здесь своим, в этой студенческой тусовке – эдаким корольком, с которым каждый считал за честь поздороваться. Поняв это, я презрительно фыркнула.

На входе в аудиторию нас ждал разъяренный завхоз. И по злому взгляду я как-то сразу поняла, что ждет он именно меня. Заметалась, думая, куда же сбежать, но заметила, как язвительно смотрит Аагард, и взяла себя в руки. Завхоза миновали все студенты, но мне он заступил дорогу.

– Я говорил, что форму носить обязательно! – Я почувствовала, как на меня попали капельки слюны – так орал этот степенный с виду мужчина. Надеюсь, слюна неядовитая.

– Здравствуйте! – я широко улыбнулась. – Говорили, подтверждаю.

Завхоз демонстративно оглядел меня с ног до головы:

– Но ты не в форме!

– Рада, что вы тоже заметили, – платье восхитительное, согласитесь. Между прочим, в единственном экземпляре, Огюст Оккон расстарался.

– Как мило, – завхоз вдруг схватил меня за шиворот. Я возмущенно закричала, пытаюсь вырваться, но он без малейшего усилия вдруг приподнял меня и понес, как нашкодившего котенка.

– Что вы себе позволяете! – я заверещала, закрутилась, но завхоз не обращал на это никакого внимания. Просто нес и нес, даже руку не согнул, а ерзаньем я только заставляла свое платье подниматься выше. – Пустите, сама пойду.

Редкие студенты в коридоре смотрели на меня, как на диковинную зверушку, но спешили мимо. Загромыхал, напоминая о начале занятия звонок, и тут же, как по волшебству, все студенты исчезли. Судя по всему, на занятия здесь опаздывать страшилось. Завхоз меж тем занес меня в какую-то комнатку и только тогда поставил на ноги. Комната была очень похожа на чулан, посреди которого кто-то забыл добротный, черного дерева стол. По-видимому, я попала в святая святых – кабинет завхоза. Длинный, похожий на гигантский коридор, заканчивающийся где-то далеко отсюда. Куда ни брось взгляд – везде ящики, полки, мешки. Хозяин помещения, забыв про меня, бросился куда-то влево и принялся что-то искать.

У стен в несколько рядов стояли шкафы, комоды и ларон, чем-то набитые так, что двери некоторых держались только с помощью веревок. Кучи вещей лежали и на полу – в проходах. Светильники, статуэтки, зеркала, часы... Я шагнула вперед и обрадованно схватила маленькую фигурку танцовщицы из белого фарфора.

– Откуда это у вас? – еле выдохнула я. – Это же... это же статуэтка времен империи Саткай. Да таких не осталось уже совсем, все исчезли после восстания огневигов. Лава все поглотила!

Завхоз растерянно взглянул на фигурку в моих руках. Похоже, он и забыл, что она здесь была.

– Убраться уже надо.

Я взглянула на сверток, который оказался в руках у завхоза, и отступила назад.

– Не-е-ет, нет, пожалуйста, не надо выдавать мне второй экземпляр этого одеяния. Я от первого еще не отошла.

– Велено на тебя нацепить, – отрезал мужчина. – Будешь носить не снимаячи.

– Как это? – обалдела я. – Совсем не снимать? А спать как? А купаться?

Завхоз почесал голову. Похоже, такая мысль его не посещала.

– Ну хорошо, в десять часов вечера можно будет снять.

– А если я раньше решу спать лечь?

– Отбой в десять, – отрезал завхоз. – Да и с твоим количеством отработок спать будет некогда. – Он развернул и встряхнул мантию.

– Мерзость, – поморщилась я. – А вы точно новую нашли?

– Нет, – довольно осклабился завхоз. – Самую старую выбрал. Со времен основания лежит здесь.

– Жаль, что мода в вашей академии со времен основания не изменилась. – Я отодвинулась к стене, не понимая, как будет происходить привязывание. Неужели и правда веревкой обмотают и будут ходить по пятам, чтобы я не сняла? Ну уж нет! Такого оскорбления и насилия надо мной даже отец не потерпит. Я же не животное, чтобы мне, как намордник, мантию пристегивали. Да и не хватит сил у этого мужчины на меня ее натянуть! Не дамся – изорву, изомну, но не дамся!

Но все оказалось намного проще. Завхоз дунул, и мантия, словно живая, поплыла ко мне, загребая длинными рукавами. Я с ужасом за ней наблюдала и потихоньку продвигалась к двери. Это был какой-то театр абсурда, никогда не думала, что буду убегать от одежды, да еще и от такого антиквариата. Но совсем скоро мантия меня настигла, обняла, отчего я запищала, и вдруг оказалась на мне.

– Все, – довольно возвестил завхоз. – Мантия, которую я тебе вчера дал, ко мне сама вернется. А эту снять теперь сможешь только в десять часов вечера.

– Да ладно, – я прислушалась к ощущениям. – Вроде бы одежда как одежда.

– Попробуй сними, – предложил завхоз. Я пожала плечами и попыталась было стянуть мантию через голову, но не вышло. Вроде свободная, а когда я попробовала раздеться, стала будто бы второй кожей.

– Что за!.. – я зло уставилась на завхоза. – Вы издеваетесь, что ли?!

– Проректор сказал привязать, я привязал! – завхоз распахнул двери и показал мне на выход. – И статуэтку отдай.

Я с видимым сожалением сунула статуэтку танцовщицы в грубую руку завхоза.

– Что, правда, такая ценная? – Глаза мужчины загорелись, он обнюхал ее и даже на зуб попытался попробовать. Я поморщилась и с трудом удержалась от желания выхватить драгоценность из таких непочтительных рук.

– Вы себе даже представить не можете насколько.

Завхоз демонстративным жестом спрятал фигурку в карман и довольно осклабился:

– Иди в аудиторию, студентка. И так уже половину вводной лекции прогуляла.

– В каком это смысле? – опешила я. – Так вы же сами меня в аудиторию не пустили! Я жаловаться буду!

– Ничего не знаю, – завхоз подтолкнул меня к выходу. Причем подтолкнул так настойчиво, что в коридор я чуть не вывалилась. После этого противный мужчина прикрыл дверь, оставив только маленькую щелочку, и процедил: – Иди, пожалуйся проректору, так он тебя еще дополнительным месяцем отработок наградит. Жалующийся боевик, надо же. Совсем молодежь обмельчала.

Завхоз захлопнул дверь, а я досадливо пнула ее и поплелась искать свою аудиторию. Я, конечно, понимала, что мужичонка обиделся, но не думала, что настолько. Подставил, надо же. А я-то хороша! Надо было отбиваться, кричать, брыкаться, что угодно, лишь бы на меня обратили внимание. А теперь и не доказать преподавателю, что не специально опоздала. Хотя... А точно ли надо что-то доказывать? Пусть назначают свои отработки – выполнять я их не собираюсь. Чем больше непослушания, тем быстрее отчислят из этого богами забытого места. Я

довольно фыркнула и пошла гораздо бодрее. Мантия, конечно, дико бесила, но очень скоро меня здесь не будет, и дурацкое одеяние я с наслаждением смогу сжечь. Я оглушительно чихнула, нарушив тишину коридора, и вытерла нос длинным рукавом. Неужели я еще и заболела? Да нет, не должна. Скорее нос забит пылью, мантия-то ровесница моего прапрадедушки, не иначе.

Хоть я и желала покинуть академию как можно скорее, открывать дверь в аудиторию было довольно... волнующе. Я сделала глубокий вдох и, коротко постучав, распахнула ее резким движением. Аудитория была круглой. Широкие ярусы с партами поднимались вверх, оставляя в центре небольшое место для преподавателя, которое сейчас пустовало. Никакой доски, как в гимназии, здесь не было. По-видимому, преподаватели чертить для нас ничего не собираются, будут показывать, так сказать, в натуре. Я обрадованно поспешила занять место, надеясь, что преподаватель тоже где-то задержался, но, сделав два шага, тут же отшатнулась, потому что передо мной выросла фигура утреннего блондина.

– Зараза, – едва слышно выдохнула я. Он меня тоже, судя по всему, видеть был не рад, потому что бледные глаза вмиг потемнели, но выражение лица опять не изменилось. Замороженный он, что ли?

– Лилиана Тиррос, не так ли? – процедил преподаватель. – Приятно видеть, что вы переоделись.

– Кому как, – пискнула я.

Мужчина едва заметно поморщился. Все студенты сидели тихо, притаившись, как мыши.

– Могу я узнать, почему вы опоздали? Опять.

Я только набрала воздуха в грудь, чтобы начать говорить, и тут вспомнила слова завхоза.

– Прошу прощения, – протянула я, с сомнением глядя на блондина. – А вы проректор?

Мужчина на секунду прикрыл глаза, будто бы пытаясь успокоиться, а я вдруг почувствовала, что в кабинете стало холоднее.

– Проректор, – тихо ответил он, а я увидела, как на моей мантии появилось слабое подобие инея. – Радагат Виррас.

– Очень приятно! – бодро ответила я. Проректор едва повернул голову, но я сразу поняла – ему-то как раз и неприятно. Холод крепчал.

– Так почему вы опоздали, студентка?

– Меня задержал ваш завхоз, – голос мой прозвучал неожиданно звонко. – Заставлял надеть мантию.

Проректор помолчал, рассматривая меня. Иней на мантии исчез, оставив капли воды.

– Это действительно так?

– Конечно, зачем мне врать?

– Незачем?

Проректор круто развернулся к аудитории.

– Займите любое место, Тиррос. За опоздание на вводную лекцию вам придется две недели разбирать склад. Поможете в этом мсье Оканю, – заметив мой недоумевающий взгляд, пояснил: – Завхоза зовут Окклео Окань. Как раз познакомьтесь поближе.

Я как можно обворожительнее улыбнулась и двинулась вверх по лестнице, желая спрятаться на галерке. Но нет.

– Не так далеко, Тиррос. На первый ряд.

– Вы же сказали – любое, – пробурчала я, но вернулась на первый ряд. Единственным моим соседом оказался высокий, похожий на испуганного зайца очкарик. Он постоянно крутил головой и даже вздрогнул, когда я села рядом.

Вводная лекция оказалась не такой уж и скучной, как я думала. Хоть наше отделение и делится на четыре факультета, оказывается, на первом курсе придется очень много занятий проводить всем вместе. Основы одинаковые и для создателей, и для боевиков, и для знатоков,

и для целителей. Но есть и огромная разница между нами. У боевиков, например, большое внимание уделяется физической подготовке. Каждое утро у нас будет общая для боевиков всех отделений тренировка. Да и каждый вечер тоже. Да думаю, и днем, только нам об этом сразу не сказали. В конце лекции по партам разлетелись листы с расписанием на неделю, и я охнула. Каждый день планировалось не менее шести пар, так у боевиков еще и тренировки ежедневные – это во сколько я освобождаться буду? Я презрительно фыркнула, отодвинула свой листок на край парты и покосилась на соседа. Он был так восхищен, что чуть ли не целовал свое расписание. Прозвучал звонок, оповещающий об окончании лекции, и я не стерпела:

– Спорю, что ты знаток.

Паренек поправил свои очки:

– Ты что-то имеешь против?

– Напротив, моя мама – знаток, – я улыбнулась и протянула парню руку. – Меня зовут Лилиана Тиррос, лучше Ляля, я так привыкла.

Однокурсник внимательно осмотрел мою руку так, будто на ней было несколько колоний насекомых. Когда я уже думала ее убрать, достал из кармана салфетку и руку мне пожал. Но при этом салфетка находилась между нашими ладонями.

– Таматин Кряхс. Гений, общепризнанное дарование, да и вообще единственный в своем роде.

– О как, – я прямо почувствовала стыд за свое короткое представление. – А подскажи, в чем именно ты гений? В какой сфере?

Таматин недовольно закатил глаза, возмущенный моим недоверием. Я с интересом его рассматривала – парень выглядел очень молодо: отсутствие даже намека на щетину, пухлые губы, острые скулы, лохматые, слегка сальные волосы и тусклый цвет лица. Складывалось впечатление, что Таматина регулярно недокармливали.

– Я, между прочим, совместно с Институтом исследований закономерностей участвую в разработке множества вакцин. Я гениальный исследователь, который привнесет в мир миллион полезных вещей. Сила воздуха – вот то, на чем зиждется мир, и я являюсь чудеснейшим из ее носителей.

– Постой-ка, – прервала я красноречивое словоизлияние. – Институт исследования закономерностей? Не бывает такого.

– Бывает, – огрызнулся Таматин, и я увидела, как прядка, упавшая вдруг на его глаза, приподнялась, освобождая взгляд. – Просто его еще не все признают. Люди, воззрения которых зашорены, ставят палки в колеса гениальным исследователям.

– А ты не основатель этого института? – заподозрила я.

Таматин осекся и задумчиво пошевелил губами:

– Всего лишь один из. Но хватит стоять, я уже понял, что ты здесь единственное мыслящее существо, которое распознало мою гениальность. Смею надеяться, что отголоски моего гения нашли в тебе отклик, и потому ты не столь безнадежна, как остальные. Пойдем же за мной...

– И ты отведишь меня на следующее занятие? – подсказала я.

Таматин презрительно фыркнул:

– Я могу вести мир к лучшей жизни, а ты просишь всего лишь на занятия.

Я обалдела уставившись вслед своему однокласснику. Неужели такую чушь можно нести серьезно? Неужели у человека действительно настолько раздутое самомнение? Или он вообще с придурью? Но пошла вслед за Таматином. Пока мы разговаривали, аудитория уже опустела, а я до сих пор не разобралась, где что находится в этой дурацкой академии.

Глава 5

Нашим тренером оказался высоченный мужик по имени Каракат Риггол с такой развитой мускулатурой, что она казалась нереальной. Лицо у тренера было совсем простоватое и к внушительным мышцам не подходило: большой нос, широкий рот и неожиданно узкий подбородок. Но зато взгляд черных глаз казался настолько жестким, что было страшно смотреть Каракату в лицо.

– Каждый день в шесть часов утра и в семь часов вечера вы должны стоять на этом самом месте. И не просто стоять, а быть готовыми умирать!

Я покрутила головой, рассматривая стоящих рядом боевиков. Хотя на боевиков мы походили мало – растерянные, испуганные, уставшие за целый день безостановочной учебы. Сегодня у нас была одна теория, что безумно меня радовало. Со своей силой я подружиться не успела и потому очень боялась, что все это поймут. Отчисление отчислением, но насмешек Лилиана Тиррос боялась больше всего в жизни.

Боевики были в основном мужского пола. Из целого набора на первом курсе оказалось всего три девушки, одна из них я. И без преувеличения могу сказать, что только я действительно обладала какой-то женственностью. Две мои сокурсницы были даже чем-то похожи между собой – крупные, широкоплечие, с грубыми чертами лица и желанием убивать во взгляде. Меня передернуло, не дай боги, я тоже такой стану. Может быть, это какая-то профдеформация, кто знает?

– Вы думаете, все решает магия? – продолжал меж тем Каракат, прохаживаясь по пушистой траве между ровными рядами студентов. – Вы ошибаетесь, мои дорогие. Настоящая разрушительная сила не может родиться в хлипком теле нюни. В здоровом теле – здоровый дух, слышали вы? В здоровом теле – здоровое разрушение! И раз боевая магия в вас есть, раз есть в вас достаточная сила воли, то я создам из вас настоящих боевиков! Кому-то нужно для этого совсем чуть-чуть, а кому-то...

Взгляд Караката остановился на мне. Остановился и стал брезгливым, будто бы на моем месте стояла вошь, а то и еще кто поменьше.

– Ты кто?

Да что ж такое! Я столько внимания за всю свою жизнь не получила, как за сегодняшний день.

– Лилиана Тиррос! – отрапортовала я. Почему-то мне казалось, что в этом месте нужно разговаривать четко и по-военному.

– А-а-а, – взгляд тренера приобрел заинтересованность. – Это же ты сегодня после занятия не отдыхать уходишь, а остаешься на отработку?

Если кто-то из первокурсников еще не знал, как выглядит сумасшедшая, которая дерзила проректору, то теперь всем стало понятно.

– Ну, судя по всему, это именно я, – тяжело вздохнула. Была надежда на этой самой отработке не появляться, но будет затруднительно так сделать, когда тренер стоит прямо передо мной и будто бы размышляет: убить сразу или дать потрепыхаться.

– Наслышан, наслышан. А скажи мне, Тиррос, как ты собираешься тренироваться в мантии?

Тренировки боевиков были едва ли не единственным временем, когда можно было не носить мантию. Но вот у меня совершенно не было возможности ее снять, а в десять часов вечера тренировки ради меня проводить вряд ли захотят. Поэтому сейчас, хоть и в конце дня, но на душающей жаре уходящего лета все стояли в спортивной форме, а я в теплой мантии. Под которой, кстати, до сих пор было платье! И стоило, наверное, сказать об этом во всеуслышание, но было как-то некомфортно – и так на меня все косо смотрели, считая выскочкой. Я

со злостью огляделась, отметила, что старшекурсники на соседних полигонах тоже занимаются в спортивной форме, и с деланным равнодушием пожала плечами:

– Вот так и буду.

Каракат с сомнением посмотрел на мои ноги, обутые в туфли. Ну не подходили кроссовки под мантию.

– Будем начинать с кросса.

– Согласна, здесь сглупила, – лицо мое было невозмутимо. – Переобуться можно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.